

НИКА МУР
СЕМЬ БОГАТЫРЕЙ НА МОЮ ГОЛОВУ

НИКА МУР

НИКА МУР

СЕМЬ БОГАТЫРЕЙ
НА МОЮ ГОЛОВУ.
Бизнес в зачарованном лесу

Ника Мур

Семь богатырей на мою голову. Бизнес в зачарованном лесу.

<https://litres.ru/74207964>

Аннотация

Проснуться в хрустальном гробу — плохая примета. Особенно если в прошлой жизни ты владела сетью отелей, а в этой — вокруг тебя стоят семь бородатых «шкафов» и спорят, достаточно ли ты протухла, чтобы звать Принца. Я — Марина, и я не привыкла лежать без дела. Даже если я теперь сказочная Царевна, это не повод терпеть в тереме антисанитарию и неэффективное управление! Принц задерживается на таможне? Отлично! У меня есть семь невымытых богатырей, запущенная недвижимость в центре зачарованного леса и дикое желание показать этой сказке, что такое настоящий сервис. Мы превратим это логово в пятизвездочный курорт, а мачеху-злодейку — в банкрота. Главное — не влюбиться в угрюмого воеводу, который смотрит на меня так, будто мечтает либо придушить, либо... впрочем, об этом в правилах проживания не написано! В тексте вас ждут: ✓ Сильная героиня, которая не ждет поцелуя, а берет всё в свои руки; ✓ Суровый властный герой воевода с тяжелым характером и очень нежными руками; ✓ Семь богатырей, которых научат мыть бороды и встречать гостей по стандарту; ✓ Бытовое

фэнтези: строим отель мечты среди магии и леших; ✓ Юмор, интриги и одна очень вредная Мачеха-пиарщица; ✓ Хэппи-энд, который мы заслужили!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3 (Радомир)	25
Глава 4	33
Глава 5	43
Глава 6	54
Глава 7 Елисейка (младший богатырь)	65
Глава 8	74
Глава 9	83
Глава 10	92
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Глава 1

Почему гроб хрустальный, а не ортопедический?

В легких не было воздуха — только тягучая ледяная жижа. Холод морской воды, в которой я тонула мгновение назад, должен был убить меня, но вместо этого он трансформировался в нечто иное. В колючую, сухую мерзлоту.

Я попыталась вдохнуть, и в груди хрустнуло. Сознание возвращалось короткими, болезненными вспышками. Сначала я вспомнила бокал шампанского в руке. Потом — хохот Вадима. Мой муж, мой партнер, мой «надежный тыл», с которым мы десять лет строили гостиничную империю, смотрел на меня сверху вниз с палубы нашей новой яхты. Рядом с ним стояла та самая Светочка из юридического отдела — в моем шелковом халате и с моей улыбкой.

— Прости, Мариш, но бизнес любит молодых и гибких, — сказал он тогда, и его рука, та самая рука, которая каждое утро обнимала меня за талию, просто разжалась.

Я не упала. Меня вычеркнули. Из списков акционеров, из завещания и из жизни.

Теперь я лежала на чем-то запредельно жестком. Спина ныла так, будто я всю ночь спала на индийском коврике с гвоздями. Попыталась пошевелить рукой, но наткнулась на гладкую, ледяную преграду всего в паре сантиметров от лица. Пальцы коснулись чего-то прозрачного.

Стекло? Пластик? Кислородная камера?

Я открыла глаза. Над головой расплывалось нечто мутное. Зрение фокусировалось медленно, но когда это произошло, я едва не закричала. Надо мной был потолок из необработанного камня, с которого свисали длинные, похожие на гнилые зубы сталактиты. А прямо перед глазами — прозрачная крышка с гравировкой по краям.

— ...говоря тебе, Тихон, надо было её с утра протереть. Вон, по углам уже иней взялся. Принц приедет, посмотрит на этот беспорядок и вычтет из жалованья.

Голос был густым, басовитым и доносился откуда-то сверху.

— Да брось, — ответил другой, более высокий и какой-то жеманный. — Елисей пока через Черный дол проберется, пока коня напоит... У нас еще полдня в запасе. А девка что? Лежит себе и лежит. Красивая, зараза. Бледненькая. Как раз под его вкус.

Я замерла, боясь даже дышать. Детали начали складываться в чудовищную картинку. Я лежала в закрытом ящике. Прозрачном. Холодном. И двое неизвестных мужчин обсуждали меня как товар со скидкой, ожидающий самовывоза.

— А если она того... протухла? — засомневался первый. — Три седмицы прошло. Мачеха обещала, что яблочко надежное, но жара-то какая стоит.

— Хрусталь магический, не протухнет, — отрезал второй. — Глянь, румянец на щеках как живой. Ладно, пошли ме-

довуху допивать, пока Радомир не вернулся. У воеводы глаз вострый, живо заставит кольчуги чистить.

Шаги начали удаляться. Тяжелые, гулкие, сопровождаемые лязгом металла.

Я медленно повернула голову. На мне было тяжелое, расшитое жемчугом платье из такого плотного бархата, что в нем можно было стоять без посторонней помощи. На шее — ожерелье, которое в моем мире стоило бы как небольшой отель в Крыму. Но главное — на ногах я почувствовала тяжесть. Обувь.

В голове пронеслась мысль: «Марина, если ты сейчас не выберешься, тебя либо упакуют в багажник этого Елисея, либо ты задохнешься в этом хрустальном люксе».

Я не была из тех женщин, что ждут спасения. В двадцать четыре я открыла первый хостел на вокзале, в тридцать два — владела сетью «Арт-Палас». Чтобы выжить в гостиничном бизнесе, нужно уметь ломать стены. Или, в данном случае, крышки.

Я подтянула колени к груди. Пространства было катастрофически мало, локти упирались в бока. На мне были не балетки для покойниц, а добротные сапожки на твердом каблуке — видимо, сказочный дресс-код предполагал полную экипировку даже в гробу.

«Раз. Два. Три!»

Я с силой ударила обоими каблуками в прозрачный свод. Хрусталь отозвался противным, тонким звоном, но не под-

дался. Я ударила снова, вкладывая в этот толчок всю ярость на Вадима, на Светочку, на ледяную воду моря и на этот идиотский гроб.

Крак!

По крышке побежала извилистая трещина, похожая на молнию. Воздух — настоящий, пахнувший сырой землей, хвоей и почему-то жареным луком — ворвался внутрь. Я ударила в третий раз, и хрусталь разлетелся на крупные, неострые осколки.

Я села, отряхивая с колен мелкую крошку. Голова закружилась, но я заставила себя смотреть.

Это была пещера. Огромная, гулкая, освещенная чадающими факелами в железных кольцах. И прямо передо мной, у костра, застыли двое.

Один — огромный, как платяной шкаф, в помятой кольчуге поверх грязной рубахи. В руке он сжимал обглоданную баранью ногу. Второй — помоложе, с кудрявой бородкой, в щегольском кафтане, который явно не стирали с прошлого сезона. У его ног валялась опрокинутая чарка.

— Восстала... — прошептал «Шкаф», медленно роняя кость в пыль. — Упырица! Тихон, вызывай батюшку! Или Радомира!

— Мамочки... — кудрявый икнул и попытался перекреститься, но пальцы его не слушались. — Она же... она же сидит! Живая!

Я перекинула ногу через край гроба. Бархат платья заце-

пился за острый выступ, и я с яростным «черт возьми!» рванула ткань. Треск дорогого шелка подействовал на мужчин отрезвляюще.

— Так, господа, — мой голос прозвучал хрипло, как у заядлой курильщицы, хотя я никогда не притрагивалась к сигаретам. — Прекращаем цирк. Кто здесь старший по объекту? И где, черт возьми, нормальная вентиляция? У меня в этой витрине чуть клаустрофобия не случилась.

Мужчины переглянулись. Тот, что помоложе — Тихон — внезапно вскочил и схватился за тяжелый ухват, стоявший у костра.

— Назад, нечистая! — закричал он, выставляя оружие перед собой. — Поцелуя не было! Не по правилам это! У нас инструкция: лежать до приезда царевича!

Я встала в полный рост. Рост у меня был приличный, а с учетом каблуков и яростного взгляда, я, должно быть, выглядела внушительно.

— Инструкция? — я сделала шаг вперед, сапоги гулко ударились о каменный пол. — Послушай меня, кудрявый. Я — Марина Соколовская. И если ты сейчас же не опустишь эту садовую принадлежность и не объяснишь мне, почему сервис в этом заведении уровня «привокзальный морг», я устрою вам такую проверку, что ваша мачеха сама съест своё яблоко. С косточками.

В этот момент в глубине пещеры слышались тяжелые шаги. Намного тяжелее, чем у этих двоих.

— Что за шум, бездельники? — голос ударил по ушам, как гонг. — Опять медовуху не поделили?

Из тени вышел третий. И вот тут мое сердце, до этого бившееся в ритме бешеного принтера, пропустило удар.

Он был выше остальных на голову. Широкие плечи обтягивал темный кожаный доспех со следами недавних сражений. Лицо — вырубленное из скалы: жесткий подбородок, прямой нос и глаза цвета грозового неба, в которых сейчас читалось нескрываемое изумление. Его борода была короткой и аккуратной, в отличие от зарослей его товарищей, а на бедре висел меч в простых, потертых ножнах.

Он замер, глядя на разбитый гроб и на меня. Его взгляд прошелся по моему лицу, задержался на разорванном подоле и поднялся выше, к моим глазам.

— Радомир, она сама! — взвизгнул Тихон, прячась за спину гиганта со шкафообразными плечами. — Мы ничего не делали! Просто обедали! Она выпрыгнула и начала ругаться заморскими словами!

Радомир — так звали воеводу — медленно положил руку на эфес меча. Но из ножен его не вынул.

— Ты кто такая, девица? — спросил он низким, вибрирующим голосом. — И как ты смогла разрушить чары мачехи без зова любви?

Я выпрямила спину. В моем бизнесе главное — не показывать страх, даже если перед тобой ОМОН или пьяный налоговый инспектор.

— Зов любви сейчас занят на яхте с секретаршей, — отрезала я. — А я — Марина. И я не «девица», а пострадавшая сторона. Судя по всему, меня пытались убить, а вы организовали здесь незаконное хранение тела.

Я подошла к нему вплотную. От него пахло кожей, горькой полынью и настоящим мужчиной — не тем парфюмерным эрзацем, к которому я привыкла в сити-центре. Радомир не отступил. Напротив, он слегка наклонился, сокращая дистанцию, так что я почувствовала жар его тела.

— Ты должна была спать до поцелуя Елисея, — сказал он, и в его глазах промелькнула странная искра. — Так предсказано. Хрусталь не ломается от простого удара.

— Значит, хрусталь был бракованный, — я не отвела взгляда. — Как и всё в этой истории. Так, Радомир, или как тебя там... Мне нужно зеркало, горячая вода и список сотрудников. Раз уж я проснулась, мы пересмотрим штатное расписание этого балагана.

— Она сумасшедшая, — прошептал Тихон из-за спины. — Точно упырица. Смотрите, как глазами сверкает!

Радомир продолжал изучать меня. Его взгляд стал тяжелым, изучающим, почти осязаемым. Он медленно убрал руку с меча и скрестил мощные руки на груди.

— Послушай, Марина, — он произнес моё имя с заметным усилием, будто пробовал незнакомый плод на вкус. — Ты находишься в Заповедном лесу, под охраной семи воинов царя. Мы дали клятву хранить тебя до срока. Если ты ожила

раньше... это меняет дело. Но командовать здесь буду я.

Я окинула взглядом пещеру. Замусоренный костер, грязные шкуры на полу, семь (судя по его словам, четверо где-то шлялись) нечесаных мужиков.

— Ты называешь это «охраной»? — я указала пальцем на кучу костей у костра. — Это антисанитария. Где ваш терем? Или вы живете в этой дыре?

— Терем наверху, — буркнул «Шкаф», которого, кажется, звали Степаном. — Но там ремонт... три года как забросили.

— Ремонт — это по моей части, — я поправила тяжелые волосы, которые рассыпались по плечам. — Значит так, воины. У меня есть два варианта. Первый: я иду в ближайший населенный пункт и пишу на вас жалобу за похищение человека. Второй: вы ведете меня в нормальное помещение, кормите нормальной едой, и я не превращаю вашу жизнь в ад. Хотя, судя по запаху, ад здесь уже филиал открыл.

Радомир внезапно усмехнулся. Это была короткая, хищная усмешка, которая сделала его лицо еще более привлекательным и опасным одновременно.

— Ты смелая. Или очень глупая. Елисей будет здесь к закату. Что ты скажешь ему, когда он найдет вместо спящей красавицы... это? — он неопределенно помахал рукой в сторону моего разорванного платья.

— Скажу, что принц уволен, — я шагнула к выходу из пещеры, туда, где пробивался дневной свет. — И вакансия

героя вакантна. А пока — показывайте ваш терем. И молитесь, чтобы там был работающий душ.

Я шла мимо них, чеканя шаг по камню. Сердце всё ещё ныло от воспоминаний о Вадиме, но ярость вытесняла боль. В этом странном мире, пахнущем магией и грязными носками, у меня не было счетов в банке, но остались мои мозги и хватка.

Я вышла из пещеры и зажмурилась. Передо мной раскинулся лес — такой густой и изумрудный, каких не бывает в рекламных буклетах. Деревья-великаны подпирали небо, а воздух был таким плотным, что его можно было пить.

— Марина! — окликнул меня Радомир.

Я обернулась. Он стоял в проеме пещеры, темный силуэт на фоне огня.

— Ты даже не представляешь, во что ввязалась. Мачеха не прощает тех, кто ломает её сценарии.

— О, — я улыбнулась ему самой своей «акульей» улыбкой. — Она ещё не знает, что я — её самый страшный кошмар. Я — аудитор.

Я не знала, куда идти, но знала одно: в этой сказке больше не будет спящих красавиц. Только одна очень злая и очень деловая женщина, которой нужно где-то смыть пыль веков и построить империю на обломках хрустального гроба.

Радомир догнал меня в несколько широких шагов и пошел рядом, его плечо почти касалось моего.

— Иди за мной, — бросил он, не глядя на меня. — И

постарайся не наступить на лешего. Они не любят, когда на них наступают сапогами с такими каблуками.

— Учту, — ответила я, глядя на его мощный затылок. — А ты учти, Радомир, что с завтрашнего дня у вас в тереме начинается пятизвездочный режим. И первая звезда — это мыло.

Воевода лишь хмыкнул, но я видела, как напряглись его плечи. Игра началась. И судя по тому, как он на меня смотрел, эта партия обещала быть намного интереснее, чем все мои годовые отчеты вместе взятые.

Глава 2

Хостел «У семи чертей», или Первая пятиминутка

Если бы мой фитнес-тренер увидел, какой кросс я сейчас закладываю по пересеченной местности в бархатном платье весом с небольшого слона, он бы аннулировал мой абонемент из чистой зависти.

Лес не просто рос — он довлел. Огромные, в три обхвата сосны вздымались в небо, переплетаясь кронами так плотно, что солнечный свет долетал до земли лишь редкими золотыми монетами. Под ногами чавкал мох, в воздухе висела такая влажность, что кожа моментально стала липкой. Мой тяжелый подол собирал на себя все ветки, хвою и, кажется, пару нерасторопных улиток.

— Долго еще? — я остановилась, чтобы вытряхнуть из туфли навязчивый камешек. — Или вы специально выбрали локацию максимально далеко от цивилизации, чтобы экономить на налогах?

Радомир, шедший впереди с такой легкостью, будто на нем был спортивный костюм, а не кожаный доспех и меч, обернулся. Его взгляд скользнул по моей растрепанной прическе, по разорванному плечу платья, где теперь красовалась полоса моей бледной кожи, и задержался чуть дольше, чем того требовали приличия.

— Налогов в Заповедном лесу нет, — прогудел он, убирая

с тропы ветку толщиной с мою руку. — Есть только закон силы. И закон тишины. Ты слишком много шумишь, Марина. Зверье лесное от твоего голоса в спячку впадает раньше срока.

— Это называется «коммуникация», — отрезала я, перешагивая через торчащий корень. — Инструмент, без которого любой проект превращается в хаос. Судя по вашей пещере, вы этот инструмент благополучно похоронили вместе со мной.

За спиной послышалось натужное сопение. Тихон и Степан тащили то, что осталось от хрустального гроба — Радомир велел забрать осколки, «чтобы магия след не оставила». Вид у богатырей был пришибленный. Они поглядывали на меня так, будто я в любой момент могла выпустить из пальцев молнию или, что для них явно хуже, заставить их снова работать.

— Пришли, — коротко бросил воевода.

Я вышла на прогалину и невольно замерла.

Терем был впечатляющим. Трехэтажная махина из почерневшего от времени дуба, с резными наличниками, которые когда-то, вероятно, были белыми, а теперь напоминали зубы курильщика. Высокое крыльцо, острые шпили башенок, массивная дубовая дверь. Потенциально — объект премиум-класса, жемчужина эко-туризма.

Реально — заброшенный склад декораций к фильму ужасов.

Забор вокруг терема покосился. На дворе штабелями валялось ржавое оружие, вперемешку с какими-то старыми кадушками и обрывками сетей. Прямо у крыльца красовалась лужа таких размеров, что в ней вполне мог бы поселиться небольшой водяной.

— Пять звезд, — прошептала я, чувствуя, как внутри просыпается профессиональный зуд. — По шкале запущенности — все двенадцать.

— Дома мы, — выдохнул Степан, с грохотом сбрасывая мешок с хрусталем прямо в грязь. — Ох, Радомир, баньку бы...

— Сначала гостью устроим, — Радомир подошел к двери и толкнул её плечом. Петли взвизгнули так, что у меня зубы зашлись. — Входи, Марина. И старайся ничего не трогать. У нас... своеобразный порядок.

Я вошла и тут же зажала нос ладонью.

Запах ударил наотмашь. Смесь застоялого мужского пота, собачьей шерсти, прогорклого жира и многолетней пыли. Главный зал терема был огромен, но из-за нагромождения хлама казался тесным. Посреди зала стоял длинный стол, на котором живописными кучами громоздились немытые кубки, корки хлеба и кости. В углу на огромной куче шкур спал, похрапывая, еще один богатырь — гигант с копной рыжих волос. На другом конце стола двое — один угрюмый и длиннолицый, другой с коротким ежиком волос — лениво перебрасывались в какие-то костяные фишки.

Когда мы вошли, фишки замерли. Рыжий гигант во сне всхрапнул, перевернулся и... открыл один глаз.

— Радомир? — пробасил он, почесывая живот через дыру в рубахе. — А Принц где? И чего это у вас... покойница на ногах? Она что, бродит?

— Ожила она, Влас, — Радомир прошел к столу и смахнул на пол пару кубков, чтобы освободить место. — Зовут Мариной. Характер имеет... беспокойный.

— Она настоящая? — длиннолицый богатырь, которого звали Еремеем, поднялся, не выпуская из рук фишки. — Или мачехины козни? Вон, платье всё в лохмотьях.

Я прошла в центр зала, игнорируя их взгляды. Подошла к столу, провела пальцем по деревянной поверхности и брезгливо посмотрела на серую полосу, оставшуюся на коже.

— Господа, — я обернулась к ним. — Давайте сразу внесем ясность. Я не галлюцинация и не зомби. Я — ваша новая проблема. Или спасение, это уж как себя вести будете.

Рыжий Влас сел на своей горе шкур, глядя на меня с неприкрытым подозрением.

— Спасение от чего? У нас врагов в лесу нет, все нас боится.

— От деградации, — отрезала я. — Посмотрите на себя. Вы — элита царя, или вы банда лесных бомжей? В этом помещении уровень бактерий превышает все допустимые нормы. Здесь нельзя жить, здесь можно только медленно разлагаться.

Радомир, который как раз наливал себе что-то из кувшина, замер.

— Ты в моем доме, Марина, — в его голосе прорезался металл. — Мы воины, а не горничные. Мы здесь спим, едим и ждем приказа. Нам не нужны твои нормы.

— Воины? — я шагнула к нему, не обращая внимания на его внушительный рост. — Воин — это дисциплина. А дисциплина начинается с чистой тарелки и отсутствия клопов в постели. Вы привыкли, что женщина в этом мире — это либо тихая тень, либо ведьма с яблоком. Так вот, новость дня: я не тень. И я не собираюсь ждать, пока ваш хваленый Принц соизволит явиться в этот свинарник.

— Слышь, девица, — Влас поднялся во весь свой пугающий рост. — Ты потише. Мы тебя в пещере не бросили, гроб твой приволокли. Скажи спасибо и сиди смирно, пока мы не решили, что с тобой делать.

Я почувствовала, как внутри закипает та самая энергия, которая позволяла мне закрывать сделки на миллионы долларов, когда партнеры-мужчины пытались меня «задвинуть».

— «Сидеть смирно»? — я рассмеялась, и это был не добрый смех. — Влас, кажется? Слушай внимательно. Ты можешь быть втрое шире меня в плечах, но у тебя в голове опилок больше, чем в этом матрасе. Вы семь дней в неделю бездельничаете, жрете в три горла и ждете мифического Елисея. А я вижу ресурс. Семь здоровых мужиков, крыша над

головой и стратегическая локация.

Радомир поставил кувшин на стол с тяжелым стуком.

— Хватит, — он подошел ко мне вплотную. Его фигура перекрыла свет от окна, и я оказалась в его тени. — Ты слишком много на себя берешь. Ты здесь гостя. Почетная, но гостя. Мы выделим тебе комнату, дадим еду. Но ты не будешь указывать моим людям, как им жить.

Он попытался придавить меня взглядом — тем самым взглядом вожака, перед которым склоняются остальные. В его глазах было холодное предупреждение. Но я слишком долго работала с рейдерами и коррумпированными чиновниками, чтобы бояться хмурого мужчины в коже.

Я не отвела глаз. Более того, я сократила дистанцию еще на пару сантиметров, так что почувствовала запах полыни от его доспеха.

— Твоим людям? — мой голос упал до опасного шепота. — Радомир, посмотри на них. Они скучают. Они зарастают жиром и грязью. Ты воевода или надсмотрщик в доме престарелых? Если ты не можешь обеспечить им достойные условия и занятость, значит, ты плохой руководитель. А плохих руководителей я либо обучаю, либо увольняю.

В зале повисла такая тишина, что было слышно, как трещит полено в нетопленной печи. Степан и Тихон, застывшие у входа, кажется, перестали дышать. Еремей выронил свою фишку.

Радомир медленно, очень медленно сузил глаза. Его че-

люсть сжалась так, что заиграли желваки. Я видела, как его пальцы на мгновение дернулись, сжимаясь в кулаки. Он не привык к такому обращению. В его мире женщина была либо объектом поклонения, либо дополнением к интерьеру.

— Увольняешь? — переспросил он почти ласково. — И как же ты меня уволишь, Марина? Мечом? Или словом своим заморским?

— Я создам здесь такие условия, что они сами придут ко мне за распоряжениями, — я сделала шаг назад, разрывая наше личное пространство. — Потому что людям нужен лидер, который дает им цель. А не тот, кто позволяет им гнить в пыли.

Я обернулась к остальным богатырям, которые наблюдали за нами как за финалом чемпионата по боям без правил.

— Так, господа. Пятиминутка окончена. Знакомство состоялось. Теперь к делу. Тихон!

Кудрявый богатырь вздрогнул.

— Я... я?

— Ты сегодня отвечаешь за инвентаризацию кухни. Мне нужен список продуктов, которые не покрылись плесенью. Степан! Ты идешь во двор и убираешь всё это ржавое железо. Оно портит вид и создает травмоопасную обстановку. Остальные — ждите указаний.

— А с чего это мы должны... — начал было Влас, но я пресекла его одним жестом.

— С того, что завтрак получит только тот, кто будет ра-

ботать. Это называется «мотивация». Радомир, — я снова посмотрела на воеводу. — Мне нужна комната. Лучшая. С замком на двери и отсутствием насекомых. И желательно подальше от кухни, запах вашего варева убивает мои рецепторы.

Радомир стоял неподвижно, глядя на меня так, будто я была редким и крайне ядовитым насекомым. Он молчал долго, и я видела, как в его голове идет борьба между желанием выставить меня за дверь и странным, почти болезненным любопытством.

— Тихон, — наконец бросил он, не сводя с меня глаз. — Проводи её в мои покои наверху. Там чище всего. А сам... проверь кладовую. Раз уж она хочет список, дай ей список. Посмотрим, насколько хватит её задора.

Тихон, всё еще пребывая в шоке, закивал и приглашающе указал на лестницу.

— Прошу, госпожа... Марина. Сюда.

Я начала подниматься по скрипучим ступеням, чувствуя на своей спине тяжелый, жгучий взгляд Радомира. Я знала, что первая битва выиграна, но война за этот терем только начиналась. И воевода явно не собирался сдаваться без боя.

Поднявшись на второй этаж, я оказалась в узком коридоре. Тихон открыл массивную дверь в конце.

— Вот. Это светлица воеводы. Тут и кровать широкая, и сундук есть. Мы... мы сейчас воды принесем. Горячей. Как вы просили.

— И мыло, Тихон. Поищите в запасах. Если нет — сойдет и щелок, но чтобы через десять минут у двери стояло ведро воды. И полотенце. Чистое!

Он поспешно скрылся, бормоча что-то под нос.

Я вошла в комнату и закрыла дверь. Здесь действительно было чище, чем внизу. Огромная кровать, застеленная медвежьей шкурой, массивный стол, на котором лежала раскрытая карта лесов и какой-то кинжал. Окно выходило на лес, и в лучах заходящего солнца деревья казались отлитыми из золота.

Я прислонилась спиной к двери и наконец-то позволила себе выдохнуть. Руки мелко дрожали.

— Ну что, Соколовская, — прошептала я самой себе. — С открытием нового филиала тебя. Коллектив сложный, инфраструктура разрушена, генеральный подрядчик — хам и красавец в одном флаконе. Но бывало и хуже.

Я огляделась, и мой взгляд упал на угол комнаты. Там, занавешенное старым, серым от пыли холстом, стояло нечто высокое. По очертаниям — зеркало в тяжелой раме.

Я подошла к нему, намереваясь сорвать тряпку и хотя бы оценить масштаб катастрофы со своей прической, но в последний момент помедлила. Что-то в этом предмете было... неправильное. От него веяло холодом — таким же, как в том хрустальном гробу.

В дверь постучали.

— Вода, госпожа! — голос Тихона дрожал. — И... Радостно!

мир велел передать, что ужинать будем через час. Если вы, конечно, не решите уволить повара до этого времени.

Я усмехнулась.

— Ставьте у двери, Тихон. И передайте вашему воеводе, что повара я пока помиловала. Но меню мы завтра обсудим.

Я дождалась, пока его шаги стихнут, открыла дверь и за-тащила ведро в комнату. Вода была горячей, от неё шел пар.

Смывая с себя грязь этого долгого, безумного дня, я смотрела на занавешенное зеркало в углу. Я чувствовала, что эта сказка еще не показала мне свои настоящие зубы. Но и я еще не показала ей, на что способна женщина, которой нечего терять, кроме своего достоинства и пары миллионов на заблокированных счетах в другом мире.

Завтра начнется настоящая работа. А сегодня... сегодня я просто буду спать. Впервые за долгое время — не в хрустале, а на медвежьей шкуре. И пусть этот Елисей только попробует меня разбудить без предварительной записи.

Я легла на кровать, чувствуя, как мышцы наливаются свинцовой усталостью. За окном выла какая-то лесная птица, а снизу доносились приглушенные голоса богатырей и редкий, раскатистый смех Радомира.

«Ты еще не знаешь, воевода, во что ввязался ты», — была моя последняя мысль перед тем, как тьма окончательно поглотила меня.

И в этой тьме мне на мгновение показалось, что зеркало в углу тихо, едва слышно, вздохнуло.

Глава 3 (Радомир)

(от лица Радомира)

Меч против шпильки, или генеральная уборка

Когда дверь на втором этаже захлопнулась с таким грохотом, что с потолочной балки посыпалась вековая труха, я понял: моя спокойная жизнь не просто дала трещину, она разлетелась вдребезги, как тот хрустальный гроб в пещере.

Я стоял посреди обеденного зала, сжимая в руке кувшин с медовухой, и чувствовал себя идиотом. Мой собственный терем, который я три года считал неприступной крепостью и тихой гаванью, вдруг стал казаться тесным, грязным и — черт бы побрал эту девицу — «антисанитарным». Я не знал, что означает это слово, но оно хлестнуло меня по лицу сильнее, чем вражеская нагайка.

— Воевода, ты это... — Влас, наш самый крупный и неповоротливый воин, осторожно поскреб рыжую пятерню в затылке. — Ты правда ей свою светлицу отдал? Там же твои карты. Там меч твой запасной, дедовский. Там... там вообще всё твоё.

Я медленно повернулся к нему. Влас сидел на куче медвежьих шкур, и сейчас он больше походил на растерянного щенка переростка, чем на человека, способного в одиночку завалить кабана.

— А у тебя есть другое предложение, Влас? — мой голос

прозвучал тише, чем обычно, и это был дурной знак. Ребята знали: когда Радомир начинает шептать, лучше спрятаться за ближайший дуб. — Может, предложишь ей лечь в углу на солому? Или заставишь её делить лавку с Тихоном? Ты видел её глаза? Она бы нас всех там и похоронила, прямо в этой пещере, и даже не вспотела бы.

— Так она же покойница! — пискнул Тихон, который как раз волок из сеней второе ведро воды. — Ну, то есть, была покойницей. Я видел, как она на стекло это ледяное набросилась. Хрусталь-то магический, его топором не всякий возьмет, а она — каблуком! Радомир, у неё на ногах сапоги с железными шипами, я тебе матерью клянусь!

— Это не шипы, — буркнул я, вспоминая ту полоску белой кожи, мелькнувшую в разрезе её платья. — Это характер.

Я сел за стол, на то самое место, которое Марина только что заклеила «рассадником». Посмотрел на столешницу. В свете факелов она казалась привычно-темной, отполированной локтями и временем. Но теперь, под пристальным ментальным надзором этой «аудиторши», я разглядел на ней всё: и застывший жир от вчерашнего окорока, и пятна от пролитого пива, и глубокие царапины от ножей.

Она права. Мы обросли грязью, как старые пни — мхом. Мы три года ждали этого проклятого Принца, три года стерегли стеклянный ящик с девицей, которая должна была быть хрупкой, бледной и безмолвной. Мачеха-Царица, когда

передавала нам этот «груз» через доверенных гонцов, обещала, что Царевна — само воплощение кротости.

«Спите спокойно, воины, — говорили нам. — Она проснется только от поцелуя истинной любви. А до тех пор — это просто красивая кукла».

Кукла, значит? Куклы не требуют штатное расписание и не смотрят на тебя так, будто ты — неисправный инвентарь, который дешевле списать в утиль, чем чинить.

— Тихон, — позвал я.

— Я здесь, воевода!

— Неси воду наверх. И мыло поищи. У Степана в сундуке был кусок заморского, он его у купцов в прошлом году выменял для какой-то девки из посада. Пусть отдает.

— Так Степан расстроится... — начал было Тихон.

— Степан выживет. А вот если эта Марина выйдет из комнаты и найдет хоть одну пылинку на лестнице, я заставлю вас всех мыть терем языками. Ступай!

Тихон испарился, гремя ведрами. Остальные богатыри притихли. В воздухе висело странное напряжение. Раньше наши вечера были предсказуемыми: медовуха, байки о прошлых походах, чистка оружия. Но сегодня... сегодня над нами, на втором этаже, поселилась стихия. Я слышал, как скрипят половицы под её шагами. Тонкий, ровный звук. Она не ходила — она патрулировала.

Я прикрыл глаза. Передо мной снова возник её образ в пещере. Бархат, жемчуга, растрепанные темные волосы и этот

взгляд — ледяной, расчетливый и одновременно обжигающий. В ней не было той нежной слабости, которую воспевают гусяры. В ней была сила, которой я не видел даже у покойного Царя. Тот правил страхом и золотом. Эта женщина правила... уверенностью в собственной правоте.

«Увольняю», — сказала она.

Я невольно усмехнулся в бороду. Уволить воеводу Заповедного леса из его собственного терема? Это было бы смешно, если бы не было так... притягательно. В её дерзости не было бабьей истерики. Только холодный расчет.

— Елисей её не потянет, — вдруг сказал Еремей, не отрываясь от своих фишек.

Он всегда был самым молчаливым из нас, но если уж открывал рот, то бил в самую цель.

— Не потянет, — согласился я. — Наш Принц любит, чтобы ему в рот заглядывали и оды пели. А эта... эта заставит его с коня слезть и подковы проверять на соответствие «нормам».

Я представил эту встречу. Самовлюбленный Елисей в золоченых доспехах и Марина, требующая у него отчет о проделанной работе. Картина вырисовывалась эпическая. Но за этой иронией скрывалась тревога. Если она проснулась раньше времени — значит, магия дала сбой. А Мачеха-Царица ошибок не прощает. Она прислала нам Царевну не для того, чтобы та открывала здесь «пятизвездочный режим». Она хотела избавиться от конкурентки, заперев её в вечном сне.

Теперь конкурентка не просто бодрствует. Она захватила мою спальню.

Сверху донесся плеск воды. Равномерный, тихий. Я представил, как она смывает с себя этот морок векового сна. Как капли стекают по её плечам...

— К черту! — я резко встал, едва не опрокинув лавку. — Влас, бери Степана. Чтобы завтра к рассвету двор был выметен. Всё железо — под навес. Хлам — сжечь. Если увижу хоть одну ржавую железяку на пути к крыльцу — пойдете в караул на болота на неделю.

— Воевода, ты чего? — Влас округлил глаза. — Ночь же скоро!

— Ночь — отличное время, чтобы осознать свои ошибки, — отрезал я. — Работайте.

Я вышел на крыльцо. Прохладный лесной воздух немного остудил голову. Лес гудел своим обычным ночным ритмом: ухала сова, где-то в чаще треснула ветка под тяжелой лапой. Обычно это успокаивало. Лес был понятным. Хищник, жертва, сила, инстинкт.

Марина в этот ритм не вписывалась. Она была чужеродным элементом, ворвавшимся в нашу экосистему и начавшим переставлять деревья по своему вкусу. И самое странное — я не чувствовал желания её остановить. Во мне проснулось забытое азартное чувство, какое бывает перед схваткой с действительно достойным противником.

Я достал из-за пояса трубку, набил её сушеной травой.

Огонек вспыхнул, осветив мои руки. Грязные ногти, шрамы, въевшаяся копоть.

«Антисанитария».

Я посмотрел на свои пальцы. Раньше я гордился этими шрамами. Теперь я думал о том, что Тихон так и не нашел щелок.

— Воевода? — Степан осторожно вышел на крыльцо, волоча охапку дырявых сетей. — Мы это... мы всё уберем. Ты только не серчай. Она правда... ну... царица? Или, может, подменили её там, в хрустале-то?

— Она больше, чем царица, Степа, — я выпустил густой клуб дыма. — Она — наказание за нашу лень. Иди работай.

Я стоял на крыльце долго, пока факелы в зале не начали догорать. Мысли крутились вокруг одного: завтра рассвет. Завтра придет Елисей. По всем законам жанра, он должен поцеловать её и увезти во дворец. Но глядя на разбитые осколки хрусталя, которые всё ещё поблескивали в траве, я понимал — сценарий полетел к лешему. Марина не позволит себя целовать по расписанию. Она скорее заставит Принца подписать акт приема-передачи объекта.

Когда я вернулся в зал, там было непривычно тихо. Богатыри, ворча и поминая «директоршу» недобрым словом, всё же прибрали основную кучу хлама. На столе даже появилась чистая — относительно — тряпица.

Тихон спустился сверху, прижимая к груди пустые ведра. Вид у него был такой, будто он только что побывал на приеме

у божества.

— Помылась, — шепотом сообщил он. — Полотенце взяла. Сказала, что если завтра на завтрак будет «варево», она лично нас всех люстрирует. Радомир, а что такое «люстрировать»? Это больно?

— Судя по её тону — смертельно, — отозвался я, укладываясь на жесткую лавку прямо в зале. — Ложись спать, Тихон. Завтра будет тяжелый день.

Я укрылся плащом, но сон не шел. Я слушал тишину терема. Сверху больше не доносилось ни звука. Она уснула. В моей постели, на моих шкурах.

Я закрыл глаза и вдруг почувствовал тонкий, едва уловимый аромат. Это был не запах дегтя или полыни. Это был запах какой-то неведомой свежести, резкий и чистый, как первый подснежник. Видимо, то самое «мыло» Степана.

В углу зала, у лестницы, на лавке лежал кусок бересты. Я поднялся, подошел и взял его. Это был список, который составил Тихон под её диктовку. Кривые буквы, накорябанные угольком.

«1. Инвентаризация погребя.
 2. Проверка сроков годности муки.
 3. График дежурств по уборке.
 4. Оценка состояния кровельного покрытия».

Я провел пальцем по бересте. Она не просто «проснулась». Она начала захват территории. И я, воевода Радомир, вместо того чтобы выкинуть этот клочок в костер, аккуратно свернул его и спрятал за пояс.

— Посмотрим, Марина, — прошептал я в темноту. — Посмотрим, кто из нас в итоге останется генеральным подрядчиком.

Я лег обратно, и на этот раз сон пришел быстро. Мне снились хрустальные горы, которые рушились под ударами маленького, изящного каблучка, и женщина, которая смеялась, глядя, как я пытаюсь поймать эти осколки голыми руками.

Где-то глубоко в лесу завыл волк, но в тереме царил новый, странный порядок. Порядок, который пах мылом и грядущими переменами. И впервые за три года мне не хотелось, чтобы наступало утро с его предсказуемым Принцем. Я хотел увидеть, что еще эта «аудиторша» найдет в моем доме, чего я сам не замечал все эти годы.

Наверху, за закрытой дверью моей светлицы, пыльное зеркало в углу на мгновение блеснуло холодным серебром, поймав случайный луч луны. Но Радомир этого не видел. Он спал, и на его губах, вопреки суровому облику, застыла едва заметная, предвкушающая улыбка воина, который нашел достойную битву. И имя этой битве было — Марина.

Глава 4

Зеркало с характером, или Мой личный Google-диверсант

Первая мысль была о кофе. Густом, обжигающем, с едва заметной пенкой и тем самым горьковатым послевкусием, которое окончательно выметает из головы остатки сна. В моем мире утро без кофеина считалось недействительным, а день — официально проигранным.

Я открыла глаза, надеясь увидеть панорамное окно своего пентхауса и услышать мягкое гудение кофемашины, но реальность ударила по органам чувств запахом старой хвои и невыделанной медвежьей шкуры. Медведь подо мной был жестким, ворс колол щеку, а в щели тяжелых деревянных ставен пробивались дерзкие, пыльные лучи утреннего солнца.

Я села, чувствуя, как протестует каждая мышца. Вчерашний марш-бросок в бархатном платье по пересеченной местности не прошел бесследно. Посмотрела на свои руки: ногти, на которые я тратила по три часа в две недели, были безнадежно испорчены.

— Ну что, Соколовская, — прошептала я, растирая затекшую шею. — Добро пожаловать в корпоративный ад со сто-процентным погружением.

Комната Радомира выглядела при дневном свете еще бо-

лее аскетично. Тяжелый дубовый стол, пара лавок, сундук, окованный железом. На столе всё так же лежал кинжал — видимо, местный воевода предпочитал спать в обнимку с холодным оружием. И я его понимала. В этом лесу, где каждый второй — либо богатырь с топором, либо мачеха с ядовитыми замашками, расслабляться было чревато.

Взгляд упал на угол, где под слоем пыльного холста пряталось то самое нечто. Вчера у меня не хватило сил даже на любопытство, но сегодня инстинкт управленца требовал полной инвентаризации активов. Если я собираюсь здесь выжить, мне нужны инструменты.

Я встала, ощущая, как холодный пол обжигает ступни — сапоги я вчера скинула у кровати с таким облегчением, будто это были кандалы. Шаг, еще один. Подойдя к объекту, я взялась за край серой, пахнущей плесенью ткани.

— Посмотрим, что наш суровый воевода прячет от личного состава, — пробормотала я и резко дернула холст на себя.

Пыль взметнулась облаком, заставив меня закашляться. Когда серая взвесь осела, передо мной предстало массивное зеркало. Рама из темного, почти черного дерева была испещрена резьбой: переплетенные змеи кусали друг друга за хвосты, образуя бесконечный, давящий узор. Само стекло казалось не просто мутным — оно было подернуто странной серой дымкой, напоминающей экран выключенного планшета.

Я провела кончиками пальцев по поверхности. Холодный

разряд статического электричества уколол кожу, и зеркало... вздохнуло.

— Опять? — раздался голос, от которого я едва не отскочила. Голос был скрипучим, ворчливым и до боли напоминал тон моей бывшей секретарши, когда я просила её поработать сверхурочно. — Свет мой, зеркальце, скажи... Да знаю я, знаю! Ты — самая милая, самая румяная, а у мачехи твоей ботокс просрочен. Можно я еще посплю? У меня профилактика базы данных.

Дымка на стекле начала рассеиваться, и вместо своего отражения я увидела нечто похожее на заставку старого компьютера. Потом проступили черты лица — схематичные, постоянно меняющиеся, как в неисправном калейдоскопе.

Я сложила руки на груди, быстро справляясь с шоком. В моем бизнесе и не такие «артефакты» попадались, особенно в налоговой.

— Во-первых, — ледяным тоном произнесла я, — я не спрашивала, кто на свете всех милее. У меня есть глаза и базовое чувство самооценки. Во-вторых, «румяная покойница» — это не мой стиль. А в-третьих, если ты сейчас же не включишь нормальный интерфейс, я использую тебя как подставку для ведра с грязной водой. Радомир сказал, что я здесь главная, а воевода слов на ветер не бросает.

Зеркало замерло. Серые вихри внутри стекла закрутились быстрее, и вдруг поверхность стала идеально прозрачной. На меня смотрела женщина. Гневно раздувающиеся ноздри,

всклокоченные темные волосы, в которых запуталась еловая иголка, и глаза, в которых полыхал огонь, способный испепелить небольшой совет директоров.

Я замерла. Это была я. Но не та Марина Соколовская, которая вчера выбралась из гроба.

В глубине зеркального полотна изображение начало меняться. Словно включилась перемотка.

Я увидела палубу яхты. Белоснежный борт, солнце, отражающееся в бокалах с шампанским «Cristal». Вадим стоял у поручней в своем идеальном льняном костюме. Он улыбался той самой улыбкой, за которую я когда-то была готова отдать жизнь, а в итоге отдала бизнес.

— Мариш, ты слишком напряжена, — сказал он, и я почти физически ощутила вкус того ветра. — Давай просто подпишем эти бумаги по «Арт-Паласу», и улетим на Мальдивы. Тебе нужен отдых.

Рядом со мной стояла Светлана. Наша «верная» юристка, которая всегда знала, где поставить запятую так, чтобы я осталась ни с чем. Она протянула мне ручку — золотую, тяжелую. Я видела в зеркале, как моя рука выводит подпись. Конец моей империи.

А потом — толчок. Неожиданный, подлый. Вадим просто протянул руку и слегка коснулся моего плеча, когда яхта качнулась на волне. Его глаза в тот момент были абсолютно пустыми. Как у манекена.

Я вспомнила холод воды. Он не был освежающим. Он был

окончательным. И последнее, что я видела сквозь толщу соленой бездны — это как Светлана обнимает моего мужа за талию, и они оба смотрят на то место, где я только что была.

Отражение в зеркале подернулось рябью и вернулось к моему нынешнему лицу в комнате терема. Я тяжело дышала, пальцы впились в ладони так, что остались лунки.

— Ну что, насмотрелась? — язвительно спросило Зеркало. — Драма, предательство, активы... Скучища. У меня в архивах таких историй — на три библиотеки хватит. Все бабы одинаковые: сначала подписывают, потом тонут.

— Заткнись, — выдохнула я, заставляя сердце биться ровнее. — Мы здесь не мои ошибки обсуждаем. Ты — магический артефакт, а значит, у тебя есть функционал. Мне нужна информация.

— Информация стоит дорого, — Зеркало явно пыталось торговаться. — А у тебя, девица, из активов только рваное платье и семь голодных мужиков внизу.

— У меня есть информация о том, где в этом лесу находится кузница, — я подошла к зеркалу вплотную, глядя прямо в его мерцающее нутро. — И если ты не начнешь отвечать, я проверю, насколько хорошо хрусталь переносит высокие температуры. Или просто закрашу тебя дегтем. Выбирай: либо ты мой аналитический отдел, либо ты — кусок строительного мусора.

Зеркало обиженно мигнуло, но тон сменило на более деловой.

— Ладно, ладно... агрессивная какая. Видать, в том мире ты не только отели строила, но и конкурентов живьем закапывала. Что хочешь знать, «директорша»?

— Всё, — я отошла к окну, поглядывая на засов двери. — Кто такая Мачеха-Царица? Только без сказочной чепухи. Мне нужны факты: структура власти, основные ресурсы, почему она так боится моего пробуждения.

— О-о-о, — Зеркало выдало нечто похожее на графическую диаграмму, которая тут же расплылась. — Мачеха твоя, Светлана Борисовна... то есть, Тьма Её Величество, — оно запнулось, и я вскинула брови.

Светлана Борисовна? Имя моей юристки совпало с именем мачехи? Или это Зеркало так шутит?

— Она здесь главная, — продолжало Зеркало. — Держит под собой весь экспорт волшебных яблок и молодильной воды. У неё монополия на магические услуги. А ты для неё — не просто падчерица. Ты — законная наследница контрольного пакета акций этого королевства. Твой отец, покойный царь, был человеком старой закалки, оставил завещание, которое вступит в силу, как только ты выйдешь замуж за Принца Елисея.

— Елисей, — я поморщилась. — И что он за фрукт?

— Фрукт? Скорее, овощ, — Зеркало хихикнуло. — Нарцисс, помешанный на своем имидже. У него триста тысяч подписчиков в магических вестях. Мачеха держит его на коротком поводке. Он должен был поцеловать тебя, забрать до-

лю в бизнесе и отправить в «бессрочный отпуск» в какую-нибудь дальнюю башню. А ты взяла и проснулась сама. Теперь протокол нарушен.

— Понятно, — я присела на край стола. — Значит, я — нежелательный элемент в отлаженной схеме поглощения. А богатыри? Радомир и его команда?

Зеркало на мгновение потемнело.

— Эти? Это опальный ЧОП. Радомир был начальником гвардии, но не захотел участвовать в махинациях Мачехи. Его сослали сюда, в Заповедный лес, охранять твой «хрустальный сейф». Они — воины, Марина. Но воины без войны быстро превращаются в то, что ты видела вчера в зале. Мачеха платит им гроши, лишь бы они сидели тихо и не лезли в государственные дела.

В этот момент в дверь коротко и властно постучали.

Я мгновенно набросила пыльный холст на Зеркало. Оно успело лишь недовольно пискнуть: «Ну вот, опять в темноту...»

— Марина? — голос Радомира за дверью был ровным, но в нем чувствовалась сталь. — Ты там жива? Или мне выламывать дверь?

— Я жива, Радомир, — я быстро подошла к двери, но открывать не торопилась. — И я бы предпочла, чтобы мой «начальник службы безопасности» уважал право на частную жизнь. Или в этом лесу не знают, что такое частная собственность?

— В этом лесу знают, что если гостя не спускается к завтраку, значит, она либо сбежала, либо планирует диверсию, — воевода, кажется, ухмыльнулся прямо за дверью. — Тихон приготовил кашу. Сказал, что если ты её не съешь, он пойдет и утопится в колодце от горя. Ты вчера на него сильное впечатление произвела.

— Передай Тихону, что я ценю его лояльность, но самоубийства в штате мне не нужны, — я отодвинула тяжелый засов. — Дай мне пять минут. И, Радомир...

Я открыла дверь. Он стоял в коридоре — огромный, заполнивший собой всё пространство. Сегодня он выглядел свежее: лицо умыто, волосы перехвачены кожаным шнурком. Он смотрел на меня сверху вниз, и я снова ощутила тот самый запах полыни и холодного металла.

— Что? — спросил он, и его взгляд невольно скользнул к углу, где стояло накрытое зеркало.

— У тебя в комнате слишком много пыли, — я сделала шаг вперед, заставляя его немного отступить. — И зеркало... оно требует калибровки. Мы обсудим это после завтрака.

— Калибровки? — Радомир нахмурился. — Марина, ты иногда говоришь так, будто читаешь заклинания на языке демонов.

— Это язык бизнеса, Радомир. Он пострашнее любых демонов. Иди, я сейчас спущусь. И скажи парням, чтобы убрали локти со стола. Я не люблю, когда мои сотрудники зав-

тракают как пещерные люди.

Он ничего не ответил, лишь коротко кивнул и зашагал к лестнице, его тяжелые сапоги гулко отдавались в тишине терема.

Я вернулась к Зеркалу на секунду, приподняла край ткани.

— Стекляшка, — прошептала я. — Слушай внимательно. Мне нужно знать, где Мачеха держит архивы. И как скоро Елисей будет здесь.

— Он уже в пути, — Зеркало прозвучало почти сочувственно. — Часа три, не больше. Мачеха подгоняет его магическим хлыстом. Так что готовься, «директорша». Принимать гостей в таком виде — дурной тон.

— Ничего, — я решительно поправила платье, скрывая разорванное плечо. — Я люблю неожиданные визиты. Они всегда выявляют слабые места в обороне.

Я вышла из комнаты, чувствуя, как внутри разгорается холодный, расчетливый азарт. Предательство Вадима осталось в том мире, но здесь у меня была его копия — Светлана Борисовна, решившая поиграть в королеву. Что ж, она еще не знала, что я никогда не проигрываю дважды.

Снизу уже доносились голоса богатырей, звон посуды и раскатистый бас Радомира. Сказка пыталась жить по старым правилам, но я уже начала переписывать устав. И первым пунктом в нем значилось: «Никаких поцелуев без предварительного аудита».

Спускаясь по скрипучим ступеням, я уже набрасывала в голову план первой «планерки». Информация — это сила, но ресурсы — это люди. И мне предстояло превратить этих семерых бродяг в армию, способную выстоять против любой «волшебной» монополии.

А кофе... кофе я когда-нибудь здесь обязательно организую. Даже если для этого придется перепахать весь Заповедный лес.

Глава 5

Великая стирка, или Как отмыть ЧОП до блеска

Завтрак в тереме напоминал поминки по здравому смыслу. Передо мной стояла щербатая миска с чем-то серым и вязким, что Тихон гордо именовал кашей, но я, как человек, съевший собаку на ресторанном консалтинге, классифицировала бы это как «клейстер обойный, модифицированный».

Радомир сидел напротив, сосредоточенно обглаживая край черствой горбушки. При свете дня, пробивающемся сквозь узкие, засиженные мухами окна, его щетина казалась еще жестче, а шрамы на руках — рельефнее. От него веяло утренней прохладой и тем самым раздражающим спокойствием, которое обычно предшествует крупному корпоративному скандалу.

— Елисей будет здесь сегодня, — произнесла я, отодвигая миску. Аппетит покончил жизнь самоубийством еще на подлете к столу. — Зеркало сказала, что он уже в пути. Мачеха подгоняет его магией, так что время у нас... скажем так, нелинейное.

Радомир медленно поднял взгляд. Его серые глаза сузились.

— Стекляшка заговорила? — он криво усмехнулся. — И ты ей веришь? Зеркала в этом мире лгут чаще, чем казначеи.

— Зеркала отражают то, что им дают, Радомир. А я дала

ему понять, что альтернатива сотрудничеству — переплавка. Так что Елисей — реальная угроза. И у меня к тебе вопрос как к начальнику службы безопасности: ты собираешься принимать высокого гостя в этом хлеву?

Тихон, замерший у печи с огромным ухватом, испуганно пискнул. Влас и Еремей, лениво переругивающиеся в углу из-за заточки топора, затихли.

— Елисей — принц, — Радомир откинулся на спинку тяжелого стула, который под его весом жалобно скрипнул. — Он привык к походам. Его не испугать пылью. К тому же, моя задача — твоя безопасность, а не сервировка стола. Приедет, заберет тебя, поцелует — и сказке конец.

— Сказке конец наступит раньше, если он увидит это, — я обвела рукой зал. — Радомир, ты воин, ты должен понимать: имидж — это 90% победы. Если он увидит, что «объект охраны» живет в антисанитарии, он решит, что вы — не воины, а деградировавшие лесные бродяги. Он не жениться захочет, а провести здесь карательную операцию.

— Марина, — голос воеводы стал опасно тихим. — У нас нет слуг. У нас нет шелков. У нас есть мечи и этот терем.

— У вас есть руки, — отрезала я, поднимаясь. — И у вас есть подвал. Я вчера заметила там тяжелые двери с массивными замками. Что там?

— Хлам, — бросил Влас, подходя к столу. — Добыча прошлых лет. То, что купцы отдавали за проезд, или то, что отбивали у разбойников. Мы туда годами не заглядывали.

— Идемте, — я подхватила со стола чающую свечу. — Настало время аудита вашего «хлама».

Спуск в подвал был похож на погружение в Аид, только вместо грешников там обитали пауки размером с хороший кулак. Лестница стонала под ногами Радомира, который шел следом, транслируя в пространство скепсис такой плотности, что его можно было резать ножом.

Когда я сорвала засов и толкнула тяжелую дверь, в нос ударил запах сырости, старой кожи и... богатства. Того самого, которое гниет без дела.

Внутри стояли кованые сундуки. Я открыла первый попавшийся и едва не задохнулась от возмущения. Шелк. Настоящий, тяжелый шелк цвета индиго, переложенный сушеной лавандой, которая уже давно превратилась в труху. В другом сундуке обнаружилась парча, расшитая серебром, и стопки льняных полотен, таких плотных и чистых, что в моем мире их оторвали бы с руками в любом люксовом бутике декора.

— «Хлам», значит? — я повернулась к Радомиру. Он стоял в проеме, глядя на это изобилие с легким недоумением. — У вас тут уставной капитал гниет под ногами, а вы спите на соломе, от которой чешется даже дерево!

— Зачем воину шелк? — буркнул он, хотя в голосе уже не было прежней уверенности.

— Воину нужен отдых! — я запустила руки в сундук, вытаскивая отрез ткани. — Радомир, вы живете как нищие,

имея состояние. Это не аскеза, это управленческая импотенция. Тихон! Степан! Живо сюда!

Богатыри скатились по лестнице, едва не сбив друг друга.

— Слушайте внимательно, — я включила режим «кризис-менеджера». — Сегодня у нас день тотального ребрендинга. Степан, ты выкидываешь всю старую солому из залы. Всю! До последней травинки. Тихон, ты берешь эти холсты и кипятишь чаны с водой. Мы будем стирать, мыть и чистить.

— Госпожа Марина... — Степан почесал затылок. — Так ведь... неохота же. Мы ж воины...

— Степан, — я подошла к нему почти вплотную, глядя снизу вверх, но так, что он невольно втянул голову в плечи. — Хочешь спать не на колючих ветках, а на подушке, мягкой, как облако? Хочешь, чтобы от тебя пахло не старым псом, а мужчиной, перед которым любая девка в посаде в обморок упадет от восторга?

Степан сглотнул и покосился на Радомира. Тот молчал, скрестив руки на груди.

— А кормить... кормить будете не кашей? — робко спросил Тихон.

— Если к вечеру терем будет сиять, я лично покажу тебе, как приготовить запеченное мясо в меду из тех запасов, что я видела в кладовой. Это будет не еда, это будет гастрономический оргазм. Социальный пакет, господа. Работаете на меня — живете как цари.

— Идет! — Степан первым подхватил тяжелый рулон

льна. — Тихон, дуй за водой!

Хаос начался через десять минут. Терем, привыкший к сонному оцепенению, содрогнулся. Богатыри, подгоняемые моими четкими указаниями и обещанием «мягких подушек», развили активность, достойную бригады строителей-стахановцев.

Радомир остался стоять в центре залы, наблюдая, как его суровые бойцы таскают ведра, выбивают пыль из шкур и с остервенением трут столы песком.

— Ты их испортишь, — произнес он, когда я прошла мимо него с охапкой старых трав для костра.

— Я их мотивирую, — бросила я. — Кстати, воевода. Для тебя тоже есть задача. Видишь те шкуры, на которых спал Влас? В них пыли столько, что можно построить новый остров в океане. Бери колотушку и иди на задний двор. Это отличная силовая тренировка, Радомир. Представь, что это голова твоего злейшего врага.

Он посмотрел на меня так, будто хотел что-то сказать, но вместо этого молча подхватил тяжелую шкуру и вышел во двор. Через минуту оттуда донеслись такие удары, что терем начал мелко вибрировать. Я подошла к окну и на мгновение засмотрелась.

Радомир снял доспех, оставаясь в одной тонкой рубаше, которая моментально промокла от пота и облепила его мощную спину. Каждое движение было выверено, в каждом ударе чувствовалась колоссальная, первобытная сила. Его мыш-

цы перекатывались под тканью, и я поймала себя на мысли, что этот «ресурс» чертовски фотогеничен. В моем мире он бы не вылезал с обложек журналов, а здесь — выбивает пыль из медвежьего меха по приказу женщины в разорванном бархате.

Я трянула головой, отгоняя ненужные мысли. У нас аудит, Соколовская. Никаких личных симпатий к персоналу.

К полудню терем пах мокрой древесиной, щелоком и свежестью. Мы вытащили из подвала ткани, которые после стирки и сушки на солнце оказались удивительно яркими.

— Марина! — окликнул меня Тихон. — А со шторами что делать? Они ж почернели совсем, света не дают!

Я посмотрела на окна. Огромные куски грубой, засаленной ткани закрывали проемы, превращая залу в склеп.

— Срываем, — решительно сказала я. — Да будет свет.

Я задвинула тяжелую бочку к столу, водрузила на неё стул и, придерживая подол платья, забралась на эту шаткую конструкцию. Высота была приличной — потолка в тереме проектировали явно под гигантов.

— Осторожнее, — раздался голос Радомира прямо под моей импровизированной лестницей.

Он зашел с улицы, разгоряченный, с полотенцем на шее. Его взгляд, до этого хмурый, теперь был прикован к моим ногам. Я только сейчас поняла, что, карабкаясь наверх, задрала платье почти до середины бедра.

— Занимайся своими шкурами, воевода, — я ухватилась

за край ткани. — Я справлюсь.

Ткань сидела мертво. Видимо, её прибивали здесь еще при первом царе. Я дернула раз — ничего. Дернула два, вложив в это движение весь свой вес.

Старый гвоздь со скрежетом сдался. Но вместе с ним сдалось и мое равновесие. Бочка под стулом коварно вильнула, стул издал прощальный хруст, и мир вокруг меня начал стремительно вращаться.

Я зажмурилась, готовясь к жесткой встрече с полом, который мы так старательно отмывали. Но удара не последовало.

Вместо холодного дерева я врезалась в нечто горячее, твердое и пахнущее пылью. Радомир поймал меня на лету, его руки сомкнулись на моей талии и под коленями с такой силой, что у меня перехватило дыхание.

Я открыла глаза.

Мы были так близко, что я видела каждую темную ворсинку в его зрачках. Его лицо, влажное от пота, находилось в паре сантиметров от моего. Я чувствовала, как бешено колотится его сердце — или это было мое? Его ладони, грубые, мозолистые, обжигали даже сквозь ткань платья.

Время в зале замерло. Затих крик Степана во дворе, перестал греметь ведрами Тихон. Остались только мы двое в облаке поднявшейся золотистой пыли.

Радомир не спешил меня опускать. Его взгляд стал тяжелым, потемневшим, он медленно скользнул от моих глаз к губам и обратно. В этом молчании было больше 16+, чем во

всех любовных романах, что я читала в самолетах. Это была чистая, концентрированная химия — та самая, которую невозможно просчитать в бизнес-плане.

— Ты всегда такая... беспокойная? — прохрипел он. Его голос вибрировал у меня в груди.

— Только когда... когда показатели эффективности не соответствуют норме, — ответила я, ненавидя себя за то, что голос предательски дрогнул.

Мои пальцы невольно сжали его плечо. Под пальцами была не ткань рубахи, а живое, вибрирующее напряжение. Я чувствовала силу этого мужчины — не ту, которой он махал мечом, а другую, внутреннюю, которая сейчас тянула меня к нему, как магнит.

— Техника безопасности на объекте — ноль, — прошептала я, пытаюсь вернуть себе хотя бы подобие директорского хладнокровия. — Завтра же... исправим.

Радомир резко, почти грубо поставил меня на ноги. Он отступил на шаг, и я внезапно почувствовала холод, будто у меня отобрали одеяло в морозную ночь.

— Исправляй, — бросил он, избегая моего взгляда. — Но на столы больше не лезь. Не хватало еще, чтобы Принц нашел тебя с переломанной шеей. Это испортит мою репутацию.

Он развернулся и вышел из зала, чеканя шаг. Я стояла, прижав руки к горящим щекам, и смотрела на сорванную штору, которая валялась у моих ног кучей серого тряпья.

— Марина? — Тихон заглянул в зал, подозрительно переводя взгляд с меня на дверь, в которую вышел воевода. — Всё хорошо? Вы так громко... не падали.

— Всё отлично, Тихон, — я глубоко вдохнула, поправляя платье. — Просто гравитация иногда дает сбой. Продолжаем работу. Нужно набить тюфяки свежим сеном и обтянуть их тем синим шелком из подвала. Сделаем из ваших лавок спальню королей.

Вечер опустился на лес внезапно, как занавес в театре. Но терем было не узнать. Чистые окна пропускали багровый свет заката, на столах сияли отмытые кубки, а лавки были застелены мягкими импровизированными матрасами.

Богатыри сидели в ряд, ошарашенно оглядываясь. Они трогали пальцами гладкий шелк, вдыхали запах свежего сена и чистоты.

— Ну и ну... — выдохнул Влас, осторожно присаживаясь на свое новое место. — Так это что же... так можно было?

— Можно, Влас. Это называется комфорт. И это только начало.

Я подошла к окну. Там, на самом горизонте, сквозь густую синеву Заповедного леса, пробилась яркая золотистая искра. Она пульсировала, приближаясь с каждым мгновением.

— Елисей, — произнес Радомир. Он стоял у меня за спиной, я чувствовала его присутствие кожей, хотя он не касался меня.

— Да. Наш инвестор на подходе.

— Он будет удивлен, — воевода посмотрел на чистую залу, на своих прибранных воинов и, наконец, на меня. — Я и сам удивлен, Марина. Не думал, что из этой берлоги можно сделать что-то достойное человека.

— Достойное — это мягко сказано, Радомир, — я обернулась к нему. — Мы построили здесь крепость сервиса. И пусть этот твой Принц только попробует зайти сюда без бахил.

Он коротко рассмеялся — на этот раз искренне, без тени угрозы.

Я смотрела на приближающуюся золотую искру и чувствовала, как внутри сворачивается пружина. Елисей вез с собой старую сказку. Но он еще не знал, что попал в мир, где правила теперь устанавливаю я. И в этих правилах не было места для прекрасных принцев, которые привыкли получать всё за один поцелуй.

— Тихон! — крикнула я, не сводя глаз с горизонта. — Ставь мясо в печь. Нам нужно, чтобы к приезду гостя здесь пахло успехом, а не вчерашней кашей. Шоу должно продолжаться.

Радомир положил руку на эфес меча, но на этот раз его поза была спокойной. Мы стояли рядом — воевода и аудитор, охраняя наш свежeweмытый мир. И в этот момент я поняла: предательство Вадима было лишь подготовкой. Настоящая жизнь начиналась здесь, среди сосен, шелков и взглядов мужчины, который ловил меня в падении так, будто я

была самой ценной вещью в его жизни.

Глава 6

Локация решает всё, или Живая вода как маркетинговый ход

Шелк под пальцами ощущался почти как живой — прохладный, скользкий и пугающе дорогой. Я лежала в кровати Радомира, глядя в потолок, и слушала, как просыпается терем. Где-то внизу гроыхнуло ведро, кто-то из богатырей зевнул так громко, что, кажется, задрожали балки, а потом донесся отчетливый запах свежей хвои и... дегтя.

Вчерашнее падение всё еще горело на моей коже. Я до сих пор чувствовала пальцы воеводы на своей талии — горячие, твердые, как стальные обручи. В тот момент в зале повисло такое напряжение, что его можно было разливать по бутылкам и продавать как афродизиак. Вадим никогда так на меня не смотрел. Мой бывший муж смотрел на меня как на удачную инвестицию, как на красивое дополнение к своему кабинету. Радомир же смотрел так, будто я была не то стихийным бедствием, не то женщиной, ради которой можно сжечь пару-тройку соседних королевств.

— Соберись, Соколовская, — прошептала я, садясь и решительно откидывая медвежью шкуру. — Секс — это прекрасно, но контрольный пакет акций — лучше. У тебя на балансе семь неуправляемых мужиков и объект недвижимости в состоянии «под снос». Нам не до искр в глазах.

Я быстро привела себя в порядок. Бархатное платье, пережившее вчерашнюю «великую стирку», выглядело на удивление сносно — шелк из подвала пошел на импровизированные заплатки, которые я соорудила с помощью найденной в сундуке костяной иглы. Теперь я выглядела не как покойница, а как эксцентричная владелица лесного бутика.

Спустившись вниз, я застала идиллическую и одновременно пугающую картину. Богатыри сидели за чистым столом. Влас старательно вытирал кубок краем рубахи, а Тихон расставлял миски с дымящимся мясом.

Радомир стоял у окна, заложив руки за спину. Его кожаный доспех был начищен до блеска, а волосы, влажные после утреннего умывания, отливали вороновым крылом.

— Доброе утро, команда, — я прошла к столу, чеканя шаг. — Радомир, нам нужно поговорить. Насчет инспекции объекта.

Воевода обернулся. Его взгляд на мгновение задержался на моих губах, и я увидела, как его кадык дернулся. Значит, не одна я плохо спала этой ночью.

— Какая еще инспекция, Марина? — пробасил он, пытаюсь вернуть голосу привычную суровость. — Елисей близко. Мы должны сидеть тихо и...

— И что? Ждать, пока он споткнется о корягу на входе? — я бесцеремонно придвинула к себе тарелку. — Зеркало сказало, что он в пути, но в этом лесу пространство ведет себя как пьяный логист. У нас есть время. Мне нужно понять, чем

мы владеем. Границы участка, инфраструктура, природные ресурсы. Инвестор не вкладывается в то, чего не видел.

— Инвестор? — Влас нахмурился, пережевывая кусок говядины. — Это имя того принца на другом языке?

— Нет, Влас, это тот, кто платит за банкет. В данном случае — я плачу своим временем и мозгами. Радомир, бери меч. Мы идем в лес.

— В лесу опасно, — отрезал воевода. — Лешие сейчас не в духе, мороки кружат.

— Значит, это будет проверка твоей службы безопасности в полевых условиях. Идем. Это не просьба, это распоряжение владельца проекта.

Радомир молчал минуту, глядя на меня так, будто раздумывал — придушить на месте или всё-таки подчиниться. Видимо, вчерашняя сцена в облаке пыли научила его, что спорить со мной бесполезно. Он коротко кивнул Степану:

— Остаешься за старшего. Влас, Еремей — на периметр. Тихон — на кухню. Если хоть одна муха на стол сядет до нашего возвращения — пойдешь чистить конюшню зубной щеткой, которой у тебя нет.

Мы вышли из терема. Утренний лес пах озоном и влажной землей. Заповедный лес был не просто лесом — это была живая, пульсирующая экосистема. Деревья здесь были такими высокими, что их вершины терялись в седой дымке, а мох под ногами пружинил, как дорогой ковролин в лобби пятизвездочного отеля.

— Куда мы идем? — спросил Радомир, на ходу подбирая тяжелую ветку, которая преграждала путь.

— К развязке, — ответила я, опираясь на найденную палку. — Зеркало намекнуло, что ваш терем стоит на «перекрестке миров». Покажи мне, где это.

Мы шли около получаса. Радомир двигался бесшумно, как тень, постоянно прислушиваясь к шорохам. Я же во все глаза смотрела по сторонам. Мой мозг лихорадочно выстраивал карту.

В какой-то момент деревья расступились, и мы вышли на широкую поляну. Здесь воздух заметно дрожал, как над раскаленным асфальтом. Под ногами виднелись остатки старой дороги, выложенной камнем, который теперь почти полностью поглотила земля.

— Вот, — Радомир указал мечом вперед. — Здесь сходятся три тракта. Королевский — с востока, Заморский — с юга и Мертвый — с севера. Но по ним никто не ходит уже лет десять. Мачеха напустила туман и мороки. Путники обходят это место за версту.

Я подошла к заросшему мхом дорожному столбу. На нем всё еще угадывались указатели.

— Они не ходят, потому что у них нет навигатора и нормального сервиса, — я провела рукой по камню. — Радомир, ты хоть понимаешь, что это за локация? Это же идеальный хаб! Центр пересечения трафика. Если расчистить туман и поставить здесь указатели с надписью «Горячая еда и мягкая

постель через 500 метров», мы завалим терем клиентами за неделю.

— Клиентами? — Радомир подошел ближе, его тень накрыла меня. — Марина, сюда забредают только те, кому нечего терять. Разбойники, изгнанники...

— Или те, кто готов платить за анонимность и покой. Королевские интриги утомляют, Радомир. Богатым людям иногда хочется сбежать туда, где их не найдут зеркала шпионов. Наш лес — идеальное убежище. Нужно только упаковать это правильно.

Я развернулась и пошла обратно к терему, но не по тропе, а в обход, заглядывая в каждый овраг. Радомир следовал за мной, качая седой головой.

— Смотри! — я резко остановилась у подножия невысокой скалы, из которой бил чистый, мощный ключ.

Вода в нем была странного, лазурного оттенка и пахла свежестью, от которой кружилась голова. Вокруг источника трава была такой сочной и яркой, будто её подкрасили фильтрами в соцсетях.

— Это Живой ключ, — Радомир пожал плечами. — Мы из него воду берем, когда лень к колодцу идти. Раны заживает быстро, если умыться. Старики говорят, что она возвращает силы.

Я опустилась на колени и зачерпнула воду ладонями. Она была ледяной и сладковатой. Едва я сделала глоток, как по телу прошла волна бодрости, будто я только что выпила

двойной эспрессо и закусила витаминным коктейлем. Усталость в ногах мгновенно исчезла, а мысли стали четкими и острыми.

— «Просто вода»? — я посмотрела на Радомира снизу вверх. — Да это же золотая жила! Это Spa & Wellness Reserve. Люди в моем мире отдают состояния за ретриты на таких источниках. Радомир, у нас есть УТП! Уникальное Торговое Предложение.

— Марина, ты снова говоришь на языке леших, — он протянул мне руку, чтобы помочь встать.

Я схватилась за его ладонь. Кожа к коже. Опять этот разряд. Я быстро отпустила его руку, чувствуя, как краснеют щеки.

— Это язык денег, воевода. На этой воде мы построим империю. Мы назовем это «Кристалльный Спа». Елисей придет не за спящей куклой, он придет в процветающий бизнес-центр, где он будет всего лишь... нежелательным посетителем без предварительной брони.

Когда мы вернулись в терем, я застала богатырей на крыльце. Они сидели, вытянувшись в струнку, под присмотром Власа.

— Так, команда, — я хлопнула в ладоши, заставляя их вздрогнуть. — Переходим к этапу номер два. Обучение персонала. Нам нужны Soft Skills.

— Софт... чего? — Степан нахмурился.

— Мягкие навыки, Степа. Умение общаться. Степан,

представь: к терему подъезжает путник. Твои действия?

Степан вскочил, схватил топор и гаркнул так, что с крыши слетел голубь:

— Стой, кто идет?! Жизнь или кошелек?! Именем воеводы, отвечай, а не то голову срублю!

Я закрыла глаза рукой.

— Плохо, Степан. Очень плохо. Ты не палач на плахе, ты — гостеприимный хост. Еще раз. Убери топор за спину. Улыбнись. Сделай лицо... ну, попроще. Представь, что это твой любимый дедушка приехал с гостинцами.

Степан попытался улыбнуться. Результат был пугающим — он стал похож на людоеда, который присматривает себе жертву поупитаннее.

— Ладно, со Степаном поработаем позже. Влас! Ты — служба приема. Твоя задача — взять коня под уздцы и сказать: «Добро пожаловать в Кристальный Спа, господин. Ваш отдых — наша забота». Повтори.

Влас покраснел до корней волос.

— Добро... пожаловать... в спа... господин. Меч сдавать будете или сразу в ухо дать?

— Без «в ухо дать»! — я почти сорвалась на крик. — Радомир, ты посмотри на них! У нас через пару часов, может быть, первый контакт, а они ведут себя как орки на выезде!

Радомир стоял, прислонившись к дверному косяку, и в его глазах прыгали смешинки.

— Они воины, Марина. Их учили убивать, а не кланяться.

— Значит, переучим. Твой авторитет здесь непререкаем, вот и помоги мне. Объясни им, что вежливость — это новый вид оружия. Тот, кто улыбается, всегда владеет ситуацией.

Радомир подошел к своим людям. Его голос стал низким и веским:

— Слушайте Марину. То, что она говорит — закон. Тот, кто нахамит гостю, будет чистить колодец изнутри. Лично проверю.

Богатыри мгновенно подобрались. Дисциплина — великая вещь, особенно когда за ней стоит двухметровый воевода с тяжелой рукой.

Оставшуюся часть дня мы провели в тренировках. Я заставила их отмыть входную зону, расставить у входа кадки с живыми цветами (Тихон ворчал, но притащил из леса целую корзину диких орхидей) и подготовить «приветственные напитки» из источника.

Вечером мы собрались в зале. Я взяла кусок уголька и прямо на чистой, отскобленной столешнице начала рисовать схему.

— Смотрите. Здесь у нас основной корпус. На втором этаже — VIP-номера. Твоя комната, Радомир, пока остается президентским люксом. На первом — зона приема и ресторан. За теремом, у источника, мы поставим бани. Мы будем продавать не просто ночлег, мы будем продавать «вторую жизнь». Мачеха держит всех в страхе и старости, а мы будем давать молодость и покой.

Радомир смотрел на мои чертежи. Его лицо было серьезным.

— Это безумие, Марина. Ты хочешь построить город посреди Заповедного леса.

— Не город, Радомир. Сеть. Это только первый объект. Елисей придет и увидит, что его невеста не просто проснулась, она захватила рынок. Ему придется договариваться. И условия буду диктовать я.

В этот момент сверху, из моей комнаты, донесся странный звук — не то звон, не то трубный глас.

Я сорвалась с места и побежала по лестнице. Радомир не отставал. Мы ворвались в светлицу одновременно.

Холст на зеркале светился изнутри. Я сорвала ткань.

В глубине стекла, окутанный золотым туманом, скакал всадник. Его доспехи сияли так ярко, что было больно смотреть. Он трубил в длинный золотой рог, и этот звук отдавался вибрацией в моих зубах.

— Глашатай Елисея, — прошептал Радомир, положив руку мне на плечо.

— Он близко? — спросила я, не отрывая взгляда от всадника.

Зеркало внезапно подернулось рябью, и голос «Стекляшки» прозвучал непривычно тихо и серьезно:

— Первая ласточка летит, Марина. Золотой мальчик на белом самокате... то есть, коне. Но посмотри внимательнее. Изображение всадника отделилось, и я увидела, что за

ним, по самой кромке леса, ползет длинная, угольно-черная тень. Она была похожа на масляное пятно, поглощающее свет.

— Тень Мачехи, — Радомир сжал мое плечо так сильно, что я поморщилась. — Она послала за ним своего наблюдателя. Она знает, что в лесу что-то изменилось.

Я посмотрела на свое отражение в углу зеркала. Марина Соколовская, в перешитом платье, с углем на пальцах и безумным планом в голове.

— Пусть смотрят, — я выпрямилась, сбрасывая руку воводы. — Шоу должно быть зрелищным. Мачеха привыкла к покорности, а получит конкуренцию. Радомир, приготовь парней. Завтра у нас официальное открытие. И я хочу, чтобы наш «гость» почувствовал себя в этом тереме либо королем, либо последним нищим.

— Ты рискуешь жизнью, Марина, — Радомир зашел вперед, преграждая мне путь к выходу. Его глаза горели темным огнем. — Она может просто сжечь этот лес.

— Не сожжет. Бизнес-активы не жгут, их пытаются отнять. А пока она будет пытаться нас «купить» или «поглотить», мы станем слишком известными, чтобы исчезнуть бесследно. Пойдем вниз. У нас еще мясо в печи не готово, а сервис требует безупречности.

Я прошла мимо него, чувствуя, как внутри всё дрожит от предвкушения. Предательство Вадима научило меня одному: нападай первым, если не хочешь быть съеденным. И в

этой сказке я не собиралась быть жертвой.

Спускаясь по лестнице, я уже думала о том, как заставить Елисея заплатить за первый же завтрак. Золотая искра на горизонте больше не пугала меня. Она была лишь целевой аудиторией, которую нужно было грамотно обработать.

Но в глубине души, там, куда я не пускала даже зеркало, я всё еще чувствовала тепло руки Радомира на своем плече. И это тепло было опаснее любой тени Мачехи. Потому что в бизнесе чувства — это всегда лишние издержки. И мне предстояло решить, готова ли я внести их в свой новый бюджет.

Глава 7 Елисейка (младший богатырь)

Фея с характером акулы, или Моя тайная миссия

Мне казалось, что я всё ещё сплю, и этот сон — самый сладкий в моей жизни. Я лежал на своем привычном месте у печи, но подо мной больше не было колючей, пахнущей прелью соломы, которая вечно лезла в глаза и заставляла чесаться даже через кольчугу. Теперь под моей спиной был настоящий шелк — скользкий, прохладный, набитый свежим, душистым сеном. Каждое мое движение отзывалось тихим шорохом, а голова покоилась на подушке, такой мягкой, что я боялся пошевелиться, чтобы не провалиться в облака.

В тереме пахло не кислыми щами и старой кожей, а чем-то неведомым. Чистотой. Свежевымытым деревом. И немного — той самой водой из Живого ключа, которой Марина заставила нас отмывать залу.

Я открыл глаза и уставился на свои руки. Они были чистыми. Даже под ногтями не осталось привычной лесной грязи. Марина сказала, что «гигиена — это первый шаг к высокому чеку», и хотя я не знал, что такое «чек», мыться под её ледяным взглядом было куда страшнее, чем идти на лешего с одним ножом.

Она была удивительной. Наша Царевна не походила ни на

одну женщину, которую я видел в посаде или во дворце, когда мы еще служили в гвардии. Те были тихими, глядели в пол, пахли тестом или тяжелыми духами. Марина же была как молния, запертая в теле из фарфора и бархата. Она не ходила — она командовала пространством. Её голос, звонкий и четкий, заставлял даже Власа, нашего самого упрямого воина, подбирать живот и прятать грязные миски.

Радомир ходил хмурый, злой, но я видел, как он следит за каждым её движением. Вчера, когда она упала со стола прямо ему в руки, в зале на мгновение стало так тихо, что я слышал, как бьется мое собственное сердце. Они стояли так долго, и воевода, наш суровый Радомир, не выпускал её. В тот миг я понял: старой сказке конец. Если Принц Елисей приедет и попытается забрать её, воевода либо его мечом встретит, либо сам с ума сойдет.

Я выбрался из своей «люксовой» постели, как называла её Марина, и на цыпочках прокрался к выходу. Радомир с утра пораньше увел старших братьев на «тренировку по этикету» к источнику. Я слышал их недовольное ворчание: Влас никак не мог запомнить, что гостью нельзя говорить «проваливай, пока цел», а нужно улыбаться.

— Елисейка! — раздался шепот из тени под лестницей.

Я подпрыгнул, едва не задев головой массивную балку. Марина стояла там, прислонившись к перилам. На ней было то самое перешитое платье, волосы собраны в тугий узел на затылке, а в руках она держала небольшой кожаный кошель,

который явно весил немало.

— Иди сюда, — поманила она пальцем.

Я подошел, чувствуя, как краснеют уши. Она пахла весной и какой-то опасной уверенностью.

— Ты самый быстрый в этом отряде, Елисейка, — сказала она, глядя мне прямо в глаза. — И, кажется, самый сообразительный. Мне нужна твоя помощь. Секретная.

— Секретная? — я вытянулся в струнку. — Я готов, гос-пожа Марина! Радомир велел нам вас слушаться во всём.

— Радомир много чего велит, — она усмехнулась, и на её щеке появилась крохотная ямочка. — Но это дело только между нами. Нам нужны расходные материалы для нашего Спа. Я составила список.

Она протянула мне узкую полоску бересты, исписанную странными, ровными знаками.

— Здесь масла: кедровое, розовое, миндальное. Еще нужен чистый щелок, тонкий лен и козье молоко. Всё самого лучшего качества.

Она вложила мне в руку кошель. Золото внутри глухо звякнуло. Я округлил глаза — такой суммы я не держал в руках с тех пор, как нам выдали жалованье за год службы в столице.

— В ближайшем посаде есть купеческие ряды, — продолжала она, понизив голос. — Поезжай туда. Скажи, что ты от воеводы, но не болтай лишнего. Если спросят, зачем тебе розовое масло, скажи... скажи, что Радомир решил заняться

алхимией. Понял?

— Алхимией... — повторил я, чувствуя себя участником заговора. — Понял. А если воевода спросит, где я был?

Марина положила руку мне на плечо. Ладонь у неё была маленькая, но хватка — стальная.

— Скажешь, что патрулировал дальнюю просеку. Елисейка, от этого зависит наш запуск. Мы должны сделать первые косметические средства до того, как этот золоченый Принц переступит порог. Это наш «входной продукт». Справишься?

— Справлюсь, — выдохнул я, готовый сейчас скакать хоть на край света. — Я мигом!

Прокрасться мимо Радомира было задачей не из легких. Воевода видел лес насквозь. Я видел его со спины у ручья — он заставлял Степана кланяться березе, представляя, что это важный гость.

«Лицо проще, Степа! Ты не дерево рубишь, ты гостя приветствуешь!» — донесся до меня рык Радомира.

Я нырнул в густой малинник, обогнул конюшню и вскочил на своего Гнедка. Конь, почувствовав мой азарт, пошел ходко. Мы вылетели на старый тракт, минуя мерцающие тропы, которые Марина вчера назвала «транспортным узлом».

Через час я уже был в посаде. Город встретил меня привычным шумом, криками зазывал и... грязью. Странно, раньше я этого не замечал. Но после вылизанного до блеска терема, городские улицы казались мне помойкой. Всюду

навоз, нечистоты сливают прямо в канавы, люди нечесанные, пахнут кислым пивом и потом.

«Антисанитария», — вспомнил я слово Марины. И правда, как они тут живут?

Я направился к торговым рядам. Купцы, завидев богатыря в доброй кольчуге, засуетились.

— Чего желаете, мил человек? Мечи, стрелы, подковы заморские?

— Масла мне нужны, — я старался придать голосу суровости, как у Радомира. — Самые лучшие. Розовое, кедровое, миндальное. И лен тонкий, чтобы как паутинка.

Торговец, толстый мужик с масляными глазками, прищурился.

— Масла? Неужто воевода Радомир решил бороду умащивать? Или невесту в тереме завели? Поговаривают, Принц Елисей туда путь держит, свадьбу сулят...

— Не твое дело, — отрезал я, выкладывая на прилавок золотой. — Давай товар, да поторапливайся. Воевода алхимией занялся, нервный стал. Ежели задержусь — приедет сам разбираться.

Купец мигом сменил тон. Золото и упоминание крутого нрава Радомира творили чудеса. Мне вынесли всё самое лучшее. Я проверял флаконы, как учила Марина — нюхал, смотрел на свет, чтобы не было осадка. Торговцы косились на меня с опаской: богатырь, смыслящий в маслах, — это было что-то новенькое.

На обратном пути я всё думал о Марине. Она была как та вода из Живого ключа — вроде прозрачная, но внутри такая сила, что горы воротит. И ведь не колдует, не шепчет заговоры, а просто говорит: «Нужно сделать так-то». И мы делаем. Потому что верим ей. Потому что с ней стало... интересно. Жизнь перестала быть просто ожиданием смерти или приказа. У нас появилось Дело.

В терем я пробирался уже в сумерках. Гнедко шел тихо, копыта тонули в мягком мху. Я надеялся, что Радомир занят ужином, но воевода ждал меня прямо у коновязи. Он стоял, прислонившись к столбу, скрестив руки на груди.

— Патрулировал просеку, говоришь? — голос у него был как хруст подмерзшей ветки.

Я замер, прижимая к себе переметные сумы, от которых на весь лес разило лавандой и розами.

— Да, воевода. Следы проверял... — проямлил я, не зная, куда деть глаза.

Радомир подошел ближе. Наклонился к сумке, шумно втянул носом воздух и поморщился.

— На дальней просеке розы расцвели? В октябре-то месяце? Или лешие парфюмерную лавку открыли?

Я молчал, готовый к тому, что сейчас меня отправят чистить нужники до конца года. Радомир долго смотрел на меня, потом на окна второго этажа, где горела свеча в комнате Марины.

— Ступай, — вдруг тихо сказал он и хлопнул меня по

плечу. — Неси свой дефицит. Но помни, Елисейка: если она тебя втянет в беду, я тебя первым высеку. А её... её я сам защищу. Даже от неё самой.

Я не заставил себя ждать дважды. Взлетел по лестнице на второй этаж, постучал в знакомую дверь.

— Войдите!

Марина сидела за столом, заваленным какими-то склянками и пучками трав. Свет свечи падал на её лицо, делая его мягким и каким-то... домашним. Но в руках она держала калькулятор — странную черную коробочку с цифрами, которую называла «главным оружием управления».

— Привез! — я с грохотом выставил покупки на стол. — Еле от Радомира удрал. Он всё понял, госпожа Марина.

Она встала, её глаза радостно блеснули. Она начала перебирать флаконы, открывать их, капать на запястье.

— Молодец, Елисейка! Идеально. Именно то, что нужно. Ты даже не представляешь, что мы сейчас сделаем. Это будет не просто умывание, это будет репозиционирование личности.

Она начала смешивать жидкости в чистом глиняном кувшине. Масло шипело, аромат в комнате стал таким густым, что у меня закружилась голова. Марина двигалась быстро, точно, как заправский аптекарь.

— Смотри, — она протянула мне маленькую баночку с густой белой массой. — Это крем. Если намазать его на лицо, кожа станет гладкой, как у младенца. А это — лосьон

для бороды. Специально для твоих братьев. Чтобы они не выглядели как стога сена.

Я осторожно потрогал массу пальцем. Холодная, нежная.
— Вы — настоящая фея, госпожа Марина, — прошептал я. — Только феи могут из масла и щелока такое сотворить.

Она рассмеялась — искренне, без того холодного блеска, что я видел раньше.

— Нет, Елисейка. Я — предприниматель. А это — наш первый продукт. И ты — мой лучший логист. Завтра мы испытаем это на Власе. Если он не превратится в прекрасную принцессу, значит, рецепт верный.

Я вышел из её комнаты, чувствуя, как внутри распирает от гордости. Я больше не был просто «младшим», которого посылали за водой. Я был частью команды. Мы строили «Кристальный Спа», и я точно знал: это место станет легендой.

В коридоре было темно, но я увидел силуэт Радомира у окна в конце галереи. Он смотрел на горизонт, туда, где всё ярче пульсировала золотая искра Елисеева глашатая. Но теперь этот свет не казался мне таким важным. Наш терем был наполнен запахом роз и тайной, которая была куда сильнее любой монаршей воли.

Внезапно снизу, со стороны леса, донесся звук, который заставил нас обоих вздрогнуть. Это не был рог глашатая. Это был тяжелый, размеренный топот копыт и скрип тележных колес. Кто-то пробирался через мерцающие тропы, не таясь и не зовя на помощь.

— Радомир! — крикнул снизу Степан. — Там к воротам кто-то ломится! С обозом!

Я посмотрел на воеводу. Он уже сбегал по лестнице, на ходу выхватывая меч. Я бросился за ним, чувствуя, как сердце ухает в пятки. Марина вышла из своей комнаты, накинув на плечи шелковую шаль.

— Не мечи! — крикнула она сверху. — Помните, что я говорила! Улыбаемся и машем! Это наш первый клиент!

Я выскочил во двор. У ворот стоял огромный крытый обоз, запряженный четверкой тяжеловозов. Кучер, заросший бородой по самые глаза, испуганно смотрел на Власа, который пытался «гостеприимно» улыбаться, но при этом всё еще сжимал в руках боевой молот.

Первый клиент прибыл. И судя по размерам его обоза, работы у нас предстояло невпроворот. Я посмотрел на Марину, стоявшую на балконе. Она кивнула мне, и я понял: шоу начинается. И в этом шоу Принцу Елисею лучше бы занять место в последнем ряду.

Глава 8

Бальнеологический курорт и первые клиенты

Скрежет колес по гравию и надсадное ржание коней прозвучали для меня лучше, чем любая симфония. Это был звук оживающего рынка. Пока Радомир и парни видели в незваных гостях угрозу, я видела первый в истории Заповедного леса входящий денежный поток.

Я спустилась по лестнице, на ходу оправляя шаль. В зале всё еще витал аромат лаванды и жареного мяса — Тихон превзошел сам себя, и этот запах сейчас был нашим главным маркетинговым инструментом.

— Мечи в ножны! — крикнула я, выходя на крыльцо.

Во дворе разыгрывалась классическая сцена из боевика категории «Б». Влас и Степан перегородили путь обозу, выставив вперед топоры. Радомир стоял чуть впереди, его рука лежала на эфесе меча, а в позе читалась готовность к немедленной зачистке территории. Кучер на козлах трясся так, что его борода выбивала дробь по воротнику кафтана.

— Марина, уйди в дом, — не оборачиваясь, бросил воевода. — Это не прогулка в лесу. Это чужаки на нашей земле.

— Это не чужаки, Радомир. Это клиенты, — я прошла мимо него, игнорируя его попытку придержать меня за локоть. — Степан, убери этот антиквариат. Влас, лицо! Я же

просила: улыбаемся, а не скалимся!

Я подошла к самому обозу. Лошади тяжело дышали, бока их были покрыты мыльной пеной — бедняги явно гнали во весь опор. Из-под навеса повозки осторожно высунулась голова в дорогой собольей шапке. Глаза-бусинки испуганно моргали, оглядывая наш сверкающий чистотой терем и шестерых вооруженных до зубов гигантов.

— Мил человек, — я обратилась прямо к шапке, придав голосу ту самую бархатную мягкость, которую использовала для капризных инвесторов. — Вы, должно быть, сбились с пути? Заповедный лес коварен ночью. Но вам крупно повезло. Вы наткнулись на «Кристальный Спа».

Шапка медленно выбралась наружу, явив миру невысокого, плотного мужчину в парчовом кафтане, который явно трещал по швам на его солидном животе. Купец. Причем не из мелких.

— Спа? — переспросил он, недоверчиво глядя на Радомира, который всё еще выглядел так, будто решал, с какой стороны начать разделку туши. — Это... это засада? Разбойничье логово? Ох, матушки, я так и знал... Кузьма, я же говорил тебе, сворачивай на старый тракт!

— Какая засада, уважаемый? — я лучезарно улыбнулась. — Посмотрите на этот терем. Вы видите здесь грязь или грубость? Мы — эксклюзивный отель закрытого типа. Только для тех, кто ценит безопасность и комфорт высшего класса. Я — Марина, управляющая. А это — воевода Радомир, на-

чальник нашей службы охраны. Он просто очень ответственно относится к своим обязанностям.

Радомир хмыкнул, но меч отпустил. Мой взгляд, брошенный на него через плечо, явно обещал ему долгую лекцию о клиентском сервисе, если он не подыграет.

Купец, которого, судя по всему, звали Афанасием, осторожно спустился с повозки. Он понюхал воздух, и его ноздри затрепетали.

— Мясом пахнет... С чесночком. И... розами? — он недоверчиво посмотрел на навозную кучу, которую Степан так и не успел до конца вывезти.

— Именно. Это наши фирменные ароматехнологии, — я сделала приглашающий жест в сторону крыльца. — У нас есть свободный «Президентский люкс» с видом на реликтовый бор и свежими медвежьими шкурами. Горячая ванна из Живого ключа включена в стоимость. Ваши кони будут накормлены отборным овсом, а ваш кучер получит ночлег в теплом крыле.

— А цена? — Афанасий явно начал приходить в себя. Купеческая жилка оказалась сильнее страха смерти. — Заповедный лес — место дорогое.

— Для первого гостя у нас специальный оффер, — я подмигнула ему. — Пять золотых за ночь «всё включено». Безопасность гарантирована лично воеводой. Ни один леший не подойдет к вашему обозу ближе, чем на полет стрелы.

Радомир за моей спиной кашлянул, скрывая смешок.

Афанасий посмотрел на темный, дышащий угрозой лес, потом на уютно светящиеся окна терема, и принял единственно верное решение.

— Пять золотых? Грабеж... Но в лесу мороки такие, что и за десять не откупишься. Идет! Кузьма, загоняй лошадей!

— Влас, Степан, помогите с багажом! — скомандовала я. — Тихон, накрывай на стол! У нас важный гость!

Богатыри, ошарашенные такой стремительной сменой декораций, засуетились. Степан подхватил тяжелый кованный сундук купца так легко, будто это была коробка с конфетами. Афанасий, видя такую силу, окончательно успокоился. С такими охранниками и впрямь можно спать спокойно.

Я провела купца в зал. После того, как мы отмыли его и застелили лавки шелком, помещение выглядело по-настоящему роскошно. Свечи горели в чистых подсвечниках, на столе белела льняная скатерть.

— Ох ты ж... — выдохнул Афанасий, снимая шапку. — Я в самой столице такого порядка не видел. А пахнет-то как! Будто и не в лесу вовсе.

— Садитесь, уважаемый Афанасий. Тихон, подавай наше фирменное жаркое.

Пока купец уплетал мясо, запивая его медовухой, я присела напротив, сложив руки на столе. Радомир встал у него за спиной, опершись на спинку стула. Выглядело это так, будто он — телохранитель мирового уровня, хотя на самом деле воевода просто пытался понять, за что этот человек только

что отдал пять золотых монет, которые сейчас лежали у меня в кармане и приятно тяжелили подол.

— Вы, я вижу, человек деловой, — начала я, когда Афанасий удовлетворенно откинулся на спинку стула. — Куда путь держите?

— На ярмарку в Белозерск, — купец вытер усы платком. — Да вот беда, Мачеха-Царица указы новые издала. Пошлины на дорогах такие, что проще товар в болоте утопить. Мы и решили через Заповедный лес срезать. Рискнули, да... Думали, тут только смерть найдем. А нашли... — он обвел взглядом залу. — Нашли райское место. Марина, а вода-то в источнике и впрямь Живая? У меня спина с дороги так ныла, что разогнуться не мог. А умылся — как рукой сняло.

— Это наша специализация, Афанасий. Бальнеологический курорт. Завтра перед дорогой мы проведем вам сеанс массажа с маслами, которые привез наш лучший специалист, — я кивнула на Елисейку, который застенчиво улыбнулся из угла. — Встанете на ноги молодым и полным сил. Расскажите коллегам-купцам?

— Расскажу? — Афанасий хлопнул ладонью по столу. — Да я им все уши прожужжу! Если тут можно так отдохнуть и под защитой таких молодцов быть... Да сюда очередь из обозов выстроится! На дорогах нынче беспокойно, Елисей Принц со своими налогами всех до ручки довел. А тут — тишина, уют и... сервис!

Я почувствовала, как внутри всё поет. Сарафанное радио

— лучший инструмент маркетинга в условиях отсутствия интернета.

Когда Афанасий, изрядно захмелевший и абсолютно счастливый, отправился наверх в «люкс» под конвоем Тихона, Радомир наконец-то расслабил плечи.

— Пять золотых, — тихо сказал он, подходя к столу. — Он отдал пять золотых просто за мясо и чистую тряпку на лавке.

Я достала монеты и выложила их на стол. Желтый металл красиво блеснул в свете свечи.

— Нет, Радомир. Он заплатил за ощущение безопасности. За то, что его не съели волки и не ограбили разбойники. И за то, что к нему обратились «господин», а не «смерд». Комфорт — это товар, воевода. И мы только что совершили первую сделку.

Радомир взял одну монету, подбросил её на ладони. Его взгляд стал задумчивым.

— Ты безумна, Марина. Но это безумие приносит плоды. Парни в восторге. Они впервые за три года чувствуют себя нужными. Даже Влас... он полчаса тренировал улыку перед конюшней.

— Это называется корпоративный дух, Радомир. Завтра нам нужно будет подготовить Афанасия к выезду так, чтобы он уехал нашим амбассадором. Елисейка!

Младший богатырь мигом подскочил к нам.

— Да, госпожа Марина!

— Доставай те масла, что привез. Завтра утром сделаем купцу «королевское обтирание». И собери ему корзину еды в дорогу. Чтобы он на каждом привале вспоминал наш терем добрым словом.

Радомир посмотрел на меня, и в его глазах я увидела не только уважение, но и нечто такое, от чего у меня в животе предательски екнуло. Это был взгляд мужчины, который признает в женщине не просто красоту, а равную силу.

— Мачеха узнает об этом, — сказал он, понизив голос. — Купцы болтливы. Она поймет, что ты не просто выжила, а строишь здесь свое царство.

— Пусть узнает, — я выпрямилась, чувствуя, как холодная решимость наполняет меня. — К тому моменту, как её гонцы доберутся до нас, мы будем слишком прибыльными, чтобы нас закрыли. А Принц Елисей... — я посмотрела на золотую искру на горизонте. — Елисей приедет в отель, где он — всего лишь клиент. И за каждый свой каприз он заплатит вдвойне.

Я взяла золото со стола. Оно было теплым. Это были мои первые заработанные деньги в этом мире. Больше не было нищей Царевны в хрустальном гробу. Была Марина Соколовская, генеральный директор «Кристального Спа».

— Иди спать, Радомир, — я коснулась его руки, просто на мгновение, но этого хватило, чтобы по телу пробежал ток. — Завтра у нас много работы. Нужно облагородить источник и продумать систему лояльности для постоянных клиентов.

— Спокойной ночи, директорша, — он чуть склонил голову, и в этом жесте было больше признания, чем во всех поклонах купца.

Я поднималась к себе, чувствуя, как усталость наваливается на плечи, но это была приятная усталость. Тот самый драйв, который я потеряла в моем мире, когда Вадим превратил нашу работу в рутину и предательство. Здесь всё было по-настоящему. Дерево, золото, риск и мужчина, чей взгляд стоил дороже любого контракта.

Зайдя в свою комнату, я подошла к занавешенному зеркалу.

— Слышишь, Стекляшка? — прошептала я. — Первый пошел.

Зеркало под холстом тихо хмыкнуло.

— Пять золотых... — проскрипело оно. — Неплохо для покойницы. Но помни, Марина: Мачеха любит золото не меньше твоего. И она не любит, когда кто-то копается в её кошельке.

— Пусть попробует провести аудит моих владений, — ответила я, засыпая на мягкой медвежьей шкуре. — Я найду у неё такие недоимки, что она сама в свой гроб ляжет. От греха подальше.

Снаружи Заповедный лес шумел ветвями, охраняя наш покой. Но это был уже не лес-тюрьма. Это была наша территория. И первый звон золота был лишь началом великой экспансии.

Где-то далеко на тракте Принц Елисей подгонял коня, не зная, что в конце пути его ждет не безмолвная невеста, а счет за проживание и крайне неуступчивая управляющая, которая уже давно вычеркнула его из списка своих приоритетов. Праздник жизни начинался, и я была намерена забрать в нем главный приз.

Глава 9

Инвентаризация чувств, или Почему предательство пахнет морем

Пять золотых монет.

Они лежали на моей ладони — тяжелые, холодные, с неровными краями и профилем какого-то бородатого монарха, который явно не подозревал, что станет моим первым стартовым капиталом. Афанасий уехал еще на рассвете, оставив после себя густой запах дегтя во дворе, пустую бочку медовухи и четкое обещание: «Вернусь с кумовьями, Марина-свет-царевна, больно уж баня у вас душевная».

Я сидела за столом в главном зале, перекатывая металл между пальцами. В тереме было тихо — та особенная, густая тишина, которая наступает только после большого трудового дня. Богатыри разбрелись по своим новым «номерам». Слышно было, как на втором этаже Влас ворочается на шелковом тюфяке, и как Тихон внизу на кухне что-то тихо напевает, затирая последние пятна со столешниц.

Я наконец-то навела порядок. И в доме, и в голове. Но на душе все равно скреблись кошки. Те самые, которые обычно предвещают либо грандиозный успех, либо полное банкротство.

— Не спится, директорша?

Голос Радомира донесся из угла, где догорали угли в ка-

мине. Я вздрогнула — воевода умел передвигаться бесшумно, даже когда на нем не было доспехов. Он сидел в тени, на низкой лавке, и методично проводил оселком по лезвию своего меча. Шшш-ввик. Шшш-ввик. Ритмичный, почти гипнотический звук.

Я убрала золото в кошель и подошла к камину. Присела на край стола, поджав одну ногу — привычка из того времени, когда я допоздна засиживалась над квартальными отчетами в своем офисе, пока весь город спал.

— Подсчитываю убытки и прибыли, Радомир, — ответила я, глядя на танцующие искры. — Афанасий заплатил пять монет. Этого хватит, чтобы Елисейка привез еще одну партию масел и нормальную муку. Но этого мало, чтобы укрепить оборону.

Радомир отложил оселок и поднял меч, проверяя остроту кромки большим пальцем. Оранжевый свет камина подчеркивал резкие складки у его рта и глубокие тени в глазницах. Он выглядел усталым. Красивым и до чертиков усталым.

— Ты всё измеряешь золотом, Марина, — он вогнал клинок в ножны. Звук получился сухим и окончательным. — В лесу за золото не купишь верность. И не откупишься от того, что уже предрешено. Почему ты так в него вцепилась? Неужели в твоём «царстве» за монеты можно купить даже жизнь?

Я грустно усмехнулась, вспоминая Вадима. — В моём царстве за монеты покупают всё, Радомир. Любовь, пре-

данность, справедливость. Вопрос только в номинале. И если у тебя нет своего капитала, ты сама становишься чужим активом. Который списывают, когда он перестает приносить доход.

Я почувствовала на себе его пристальный взгляд. Он не перебивал, не смеялся. Он ждал.

— У меня был человек, — начала я, и голос мой, против воли, стал тише. — Я думала, что мы строим империю. Свой замок из стекла и стали. Мы делили всё — и завтраки, и акции, и планы на жизнь. Я доверяла ему ключи от всех дверей, включая те, что вели к моему сердцу. А потом... потом он просто сменил замки. И выставил меня за дверь. Прямо в ледяную воду.

Я замолчала, снова ощущая тот фантомный холод морской пучины. Радомир молчал долго. Потом он поднялся — медленно, как огромный хищник, — и подошел к столу. Встал совсем рядом, так что я почувствовала жар, исходящий от его тела после работы.

— Предательство, — произнес он, и это слово в его устах прозвучало как приговор. — Оно не пахнет золотом. Оно пахнет пеплом.

Он оперся руками о край стола, нависая надо мной.
— Ты думаешь, я всегда был лесным затворником, Марина? Я был тем, кто верил в клятвы больше, чем в сталь. Я вел полки под стягом твоего отца. Я думал, что если ты честен с миром, то и мир будет честен с тобой. Но Мачеха... Свет-

лана, как ты её называешь... она не пользуется мечами. Она пользуется словами.

Радомир горько усмехнулся. — Она обвинила меня в измене. Сказала, что я готовил заговор, чтобы занять трон, пока ты спала в своем хрустале. Мои же воины, с которыми я делил хлеб, отвели меня на суд. Она не убила меня — это было бы слишком просто. Она сделала меня твоим тюремщиком. Чтобы я каждый день смотрел на то, что должен был защищать, и знал: я — никто. Изгой, стерегущий покойницу.

Я посмотрела в его глаза — серые, как штормовое небо. В них была такая же бездна, как и в моих воспоминаниях. Мы были двумя обломками кораблекрушений, выброшенными на один берег.

— Значит, мы оба — жертвы «оптимизации», — я невольно протянула руку и коснулась его запястья. Кожа была горячей, пульс под пальцами бился ровно и мощно. — Она думала, что мы сломаемся. Она заперла тебя здесь с «куклой», а меня — в ледяном ящике. Она не учла одного, Радомир.

— Чего же? — он накрыл мою ладонь своей. Его рука была огромной, мозолистой, она почти полностью скрыла мою кисть.

— Что «кукла» проснется с очень плохим характером. А тюремщику надоест ждать чужого приказа.

Он не отпустил мою руку. Напротив, он сжал её чуть сильнее, притягивая меня ближе. Расстояние между нами сократилось до опасного. Я видела каждую капельку пота на его

виске, чувствовала запах горькой полыни и честного, мужского желания.

В камине треснуло полено, выбросив сноп искр.

— Когда ты открыла глаза в той пещере, — его голос упал до низкого рокота, вибрирующего у меня в солнечном сплетении, — я подумал, что это морок. Что лес сошел с ума и подсунул мне видение. Ты не была похожа на ту Царевну из легенд. Ты ругалась, ты командовала, ты смотрела на меня так, будто я — пыль под твоими ногами. И я... я впервые за три года почувствовал себя живым.

Я сглотнула. В зале стало невыносимо жарко. Его присутствие подавляло, кружило голову. Я привыкла к мужчинам в костюмах-тройках, которые манипулируют словами. Радомир манипулировал самой реальностью, просто находясь рядом.

— Ты всё еще хочешь меня уволить, директорша? — прошептал он. Его лицо было в паре сантиметров от моего. Я видела его губы — четко очерченные, волевые.

— Твой испытательный срок... затягивается, — выдохнула я.

Мои пальцы сами собой скользнули по его руке выше, к плечу. Бархат платья казался слишком тонким препятствием. Я видела, как потемнели его глаза, как расширились зрачки, поглощая серую радужку. Он был настоящим. Таким пугающе настоящим, что все мои страхи из прошлого мира начали таять, как иней под солнцем.

Радомир медленно наклонился. Его дыхание коснулось моих губ. Это не был поцелуй принца из сказки. Это было приглашение к войне, в которой не будет победителей, только двое сдавшихся.

Я подалась вперед, закрывая глаза. Сердце ухало где-то в горле. Еще секунда, и...

Дзынь! Вввввввв!

Резкий, дребезжащий звук, похожий на сигнал пожарной тревоги, разрезал тишину терема. Он шел сверху, из моей комнаты. Звук был таким пронзительным, что у меня заложило уши.

Радомир отпрянул, мгновенно превращаясь из мужчины в воина. Рука на эфесе, глаза — колющие льдинки.

— Зеркало! — выкрикнула я, уже срываясь с места.

Мы взлетели по лестнице в два прыжка. Радомир плечом выбил дверь моей светлицы — засов жалобно хрустнул. В комнате было светло как днем, хотя свечи давно догорели. Зеркало в углу вибрировало так сильно, что пыльный холст сполз на пол, обнажая пульсирующую серебром поверхность.

— Стекляшка, что за шум?! — я подбежала к артефакту, игнорируя холод, исходящий от рамы.

Дымка внутри зеркала закрутилась черным вихрем. Изображение сфокусировалось не сразу. Сначала появились высокие каменные своды, затянутые багровым туманом. Потом — знакомый профиль.

Это был тронный зал. В центре, в высоком кресле, сидела женщина. Светлана. Моя Мачеха. Или Светлана Борисовна, как называло её зеркало. Она выглядела безупречно — ни одной морщинки, холодная красота, застывшая в вечном «фильтре». Она вертела в руках маленькую, изящную сферу, внутри которой билась золотая искра — видимо, тот самый вестник, которого мы видели на горизонте.

— ...червивые они у тебя, Чернавка, — донесся её голос из зеркала. Холодный, как сталь на морозе. — Принц застрял в болотах, богатыри молчат. Ты говорила, девка спит мертвым сном. А я чувствую... я чувствую, что в лесу пахнет розами. И золотом.

Изображение качнулось. Из тени вышла Чернавка — невзрачная женщина в темном плаще. Она склонилась в глубоком поклоне.

— Все под контролем, Ваше Величество. Мороки стоят крепко.

— Лжешь, — Светлана встала. Она посмотрела прямо «в камеру», и на мгновение мне показалось, что наши взгляды встретились сквозь миры. — Зеркало-шпион в тереме активировано. Оно поет мне о чистоте и порядке. Ожившем порядке.

Она протянула руку, и Чернавка подала ей сверток из черного бархата. Светлана развернула его. Внутри лежало яблоко. Но не красное и сочное, а иссиня-черное, от которого исходил едва заметный дымок.

— Раз Принц медлит, — произнесла Мачеха, и на её губах заиграла змеиная улыбка, — мы ускорим процесс аудита. Чернавка, отправляйся на рассвете. И скажи воеводе... если он еще помнит, как служить... что гостям принято открывать двери. Даже если гости приходят с дарами.

Зеркало внезапно погасло, издав прощальный хрип. Тишина, вернувшаяся в комнату, была тяжелой, как могильная плита.

Я медленно обернулась к Радомиру. Он стоял у окна, сжимая подоконник так, что дерево трещало. Его лицо было бледным под слоем загара.

— Она знает, — прошептала я. — Она всё знает.

— Она посылает Чернавку, — Радомир повернулся ко мне. — Ты видела яблоко? Это не просто яд, Марина. Это магия забвения. Если ты его коснешься, ты не просто уснешь. Тебя не станет. Твоего сознания, твоих мыслей, твоих... планов. Останется только оболочка.

Я подошла к нему, чувствуя, как внутри закипает ледяная, деловая ярость. Тот самый драйв, который помогал мне выгрызать победу у рейдеров.

— Значит, Чернавка придет на рассвете, — я посмотрела на свои руки, которые всё еще помнили тепло его ладоней. — Она думает, что идет к напуганной девчонке.

Я подняла голову, и в моих глазах Радомир увидел не страх, а расчет.

— Радомир, приготовь парней. У нас намечается внепла-

новая проверка. И я обещаю: это яблоко станет последним, что Мачеха попытается нам продать. Мы не будем прятаться. Мы примем «гостью» по высшему разряду.

Воевода посмотрел на меня, и в его глазах промелькнула искра — гордость, смешанная с опасением.
 — Ты сумасшедшая, директорша.

— Нет, Радомир, — я поправила воротник своего платья. — Я просто защищаю свой бизнес. И свой персонал. Пойдем вниз. Нам нужно продумать систему безопасности. Ночь откровений закончилась. Началась ночь стратегии.

Я выходила из комнаты, не оглядываясь. Я чувствовала, что сказка обнажила клыки. Но Светлана Борисовна забыла одну простую вещь: в бизнесе выигрывает не тот, у кого больше магии, а тот, кто лучше знает своего противника. А я знала её слишком хорошо. Она была моим прошлым. А я собиралась стать её будущим.

И в этом будущем для ядовитых яблок места не было. Только для чистого расчета и воеводы, который теперь стоял за моей спиной не как страж, а как союзник. Настоящий. Единственный. Мой.

Глава 10

Токсичный актив, или Почему яблоки лучше не брать у незнакомок

Рассвет над Заповедным лесом выдался не просто серым, а каким-то графитовым, словно кто-то выкрутил настройки насыщенности на минимум. Туман, который обычно стелился мягкими клубами, сегодня стоял плотной стеной, прижимаясь к окнам терема, как назойливый кредитор.

Я стояла посреди главного зала, застегивая манжеты на своем «боевом» бархатном платье. В воздухе пахло не утренней свежестью и не выпечкой Тихона, а холодным железом и напряженным ожиданием.

— Значит так, господа акционеры и сотрудники, — мой голос звучал ровно, отражаясь от свежeweымытых балок потолка. — Повторяем легенду. Мы — частное предприятие. Мы вне политики, вне интриг и вне подозрений. Если к нам заходит странная бабушка — мы не хватаемся за топоры. Мы предлагаем ей чай, плед и прайс-лист.

Семь пар глаз смотрели на меня с разной степенью понимания. Влас нервно теребил рукоять меча, Тихон вытирал и без того сухие руки о фартук, а Елисейка, мой юный логист, выглядел так, будто готов лично задушить любого, кто косо посмотрит в мою сторону.

Радомир стоял у двери, скрестив руки на груди. Он был

единственным, кто сохранял абсолютное спокойствие — то самое, которое бывает у хищника перед прыжком.

— Марина, — его бас прорезал тишину. — Это Чернавка. Она не просто курьер. Она — личная тень Мачехи. У неё в рукаве может быть стилет, а в кармане — склянка с чумой. Ты уверена, что хочешь пустить её внутрь?

— Я уверена, что хочу сыграть по своим правилам, воевода. Если мы не пустим её, Мачеха решит, что мы боимся. Или что мы что-то скрываем. А мы должны показать ей, что у нас всё настолько прозрачно, что аж глаза режет. Мы — открытая компания.

Я подошла к окну. Сквозь мутное стекло было видно, как от кромки леса отделяется темная фигура. Она двигалась странно — вроде бы хромая, опираясь на клюку, но слишком быстро для немощной старухи.

— Она идет, — констатировала я. — Влас, лицо! Убери эту гримасу, ты не на эшафоте. Степан, спрячь кистень под лавку. Тихон, ставь чайник. И помните: если она предложит вам еду — у вас у всех, коллективно, непереносимость глютена, лактозы и яблок. Вопросы есть?

— А что такое глютен? — шепотом спросил Степан у Елисейки.

— Это то, от чего ты лопнешь, если съешь, — шикнул на него младший.

В дверь постучали. Не робко, как положено нищей страннице, а уверенно — три коротких, властных удара. Потом

пауза, и еще один. Код. Свой-чужой.

Я кивнула Радомиру. Тот шагнул в тень, становясь почти невидимым на фоне темных бревен стены. Я же нацепила на лицо свою лучшую улыбку из арсенала «Встреча с проблемным VIP-клиентом» и распахнула дверь.

На пороге стояла сгорбленная фигура в пыльном плаще. Капюшон был надвинут на самые глаза, из-под него выбивались седые, спутанные пряди. В руках она держала сучковатую палку, а за спиной висел тощий мешок.

— Ох, милая... — голос её скрипел, как несмазанная телега. — Подай воды путнице. Три дня иду, ноги сбила, во рту пересохло... Пустите погреться, люди добрые.

Классика жанра. Станиславский бы заплакал, но я лишь шире улыбнулась.

— Конечно, бабушка! Как же не пустить? Мы тут как раз расширяем клиентскую базу. Проходите, присаживайтесь. У нас сегодня акция: первый час у камина — за счет заведения.

Чернавка — а это была, несомненно, она — на секунду замерла, явно не ожидая услышать про «акции» и «клиентскую базу». Но роль свою не бросила. Она прошаркала в зал, старательно припадая на левую ногу.

Я наблюдала за ней, как ястреб. Обувь у «нищенки» была добротная, из мягкой кожи, хоть и испачканная грязью для вида. Руки, сжимающие посох, не имели старческих узлов — кожа была гладкой, лишь слегка припудренной золой. Но главное — запах. От неё пахло не старостью и дорогой, а до-

рогими благовониями, которые пытались перебить запахом чеснока. Сандал и мирра. Аромат дворцовых коридоров.

— Садитесь сюда, к огню, — я указала на лавку, которую мы предварительно застелили самым простым льном. — Тихон, чаю нашей гостье. Травяного, успокаивающего.

Чернавка уселась, кряхтя для убедительности. Её острые глазки бегали по залу, фиксируя всё: чистые столы, новые шторы, сытые лица богатырей. Я видела, как в её голове происходит сбой системы. Ей докладывали о разрухе и запустении, а она попала в филиал пятизвездочного отеля.

— Благодарствую, красавица... — прошамкала она, принимая кружку из рук Тихона. Тот держался молодцом, только руки слегка дрожали. — Ох, и уютно у вас. И воины какие справные. Неужто сама хозяйствуешь?

— Сама, бабушка. Оптимизация процессов и грамотный менеджмент творят чудеса.

Чернавка отхлебнула чай, поморщилась (видимо, привыкла к вину), и полезла в свой мешок.

— Добрая ты, девица. Не побрезговала старухой. За это я тебя отблагодарю. Нет у меня злата-серебра, но есть гостинец. Редкий, заморский.

Она медленно, с театральной паузой, вытащила из мешка яблоко.

В зале стало тихо. Даже огонь в камине, казалось, притих. Яблоко было идеальным. Слишком идеальным. Оно не было черным, как показывало Зеркало в своей магической

проекции. Оно было алым, глянцевым, словно его только что отполировали воском. На боку играл золотистый блик. Оно было крупным, тяжелым и пахло так сладко, что у меня светело скулы. Запах детства, лета и... чего-то химического.

— Бери, деточка, — Чернавка протянула фрукт мне. Её рука, якобы дрожащая, на самом деле была твердой как камень. — Съешь, нальешься силой, румянцем. Молодость продлишь.

Я не протянула руку. Я стояла, скрестив руки на груди, и смотрела на этот «дар» как на отчет с красными показателями убытков.

— Какое красивое, — протянула я, не делая попытки взять его. — Просто картинка. Импортное?

— А? — Чернавка моргнула. — Из сада... из сада моего покойного батюшки. Последнее осталось. Для тебя берегла.

— Из сада батюшки, говорите? — я подошла к столу и постучала пальцем по столешнице. — Положите сюда, пожалуйста. Согласно санитарным нормам нашего заведения, все продукты извне должны проходить первичный осмотр.

Чернавка растерялась, но яблоко положила. Оно глухо стукнуло о дерево.

— Вы знаете, бабушка, я ведь в прошлой жизни, — я сделала многозначительную паузу, — очень любила работать с документами. Скажите, а сертификат соответствия у вас есть?

— Чего? — старуха выпрямилась, забыв про горб.

— Сертификат. Бумага, подтверждающая, что в данном фрукте не содержится пестицидов, нитратов, ГМО и проклятий третьей категории. А также, что при его выращивании не использовался труд несовершеннолетних леших. У нас с этим строго. Эко-курорт, сами понимаете. Репутация — наш главный актив.

Богатыри начали переглядываться. Влас прикусил губу, чтобы не заржать. Чернавка же начала краснеть. Пятна гнева проступили сквозь слой «старческого» грима.

— Ты что, девка, смеешься надо мной? — её голос перестал скрипеть, в нем прорезались властные нотки. — Я тебе от чистого сердца дар несу, а ты мне про бумаги какие-то толкуешь? Ешь, говорю! Обидишь старуху — счастья не видеть!

— Обидеть старуху — это грех, согласна, — я обошла стол, оказываясь между ней и выходом. — Но принять несертифицированный товар — это нарушение устава. А устав для меня святое.

Я наклонилась над яблоком, не касаясь его.

— Выглядит оно... подозрительно глянцевым. Воском натирали? Или магией полировали? Знаете, у нас в тереме есть правило: поставщик обязан лично продегустировать свою продукцию в присутствии заказчика. Контрольная закупка, так сказать.

— Я... я сыта! — рывкнула Чернавка, вскакивая. Её «нищенский» плащ распахнулся, и под ним мелькнул подол до-

рогого шерстяного платья и пояс с кинжалом. — Не хочешь — не бери! Пойду я!

Она схватила яблоко, но путь ей преградила широкая тень.

Радомир вышел из угла. Он не доставал меч. Ему это было не нужно. Он просто стоял — два метра мышц, шрамов и мрачной решимости.

— Куда же ты, бабушка? — спросил он ласково, но от этой ласки у меня по спине пробежал холодок. — А чай допить? А гостинец? Хозяйка ведь не отказалась. Она просто попросила... проверить качество.

Чернавка затравленно оглянулась. Сзади — Радомир. Слева — Влас с топором, который он «случайно» достал из-под лавки и теперь задумчиво протирал тряпочкой. Справа — я.

— Вы... вы не смее! — зашипела она, сбрасывая маску. Лицо её исказилось, глаза сузились. — Я посланница Царицы! Тронете меня — она этот лес с землей сровняет!

— О, так вы официальное лицо? — я притворно удивилась. — А чего же тогда без верительных грамот? Под видом бомжа? Это, знаете ли, нарушение дипломатического протокола.

Я взяла со стола нож — обычный, столовый — и указала им на яблоко в её руке.

— Ешь.

— Что? — она побледнела.

— Ешь яблоко, — повторила я жестко. Мой голос звенел, как натянутая струна. — Докажи, что оно чистое. Если съешь и не упадешь замертво — я лично перед тобой извинюсь, дам денег и отправлю к Царице с поклоном. А если откажешься...

Я кивнула Радомиру. Тот сделал шаг вперед. Пол скрипнул.

— Тогда мы будем считать это попыткой террористического акта с применением биологического оружия. И поступим по законам военного времени. Радомир у нас в допросах... творческий человек.

Чернавка дрожала. Она знала, что внутри. Яд забвения. Не смерть, но стирание личности. Превращение в овощ. Пустая оболочка без памяти и имени.

— Я не могу... — прошептала она. — Оно... оно заговорено. Только для Царевны.

— Ошибочка в техзадании, — я улыбнулась, но глаза мои оставались ледяными. — Я больше не Царевна. Я — генеральный директор. А для директоров у Мачехи яда не хватит. Ешь!

Радомир положил тяжелую руку ей на плечо.

— Хозяйка дала распоряжение, — прогудел он ей в ухо. — Выполняй. Или я помогу.

Чернавка поняла, что выхода нет. Бежать некуда. Сражаться с семьей богатырями — самоубийство. Мачеха не простит провала. А так... может быть, есть шанс? Может

быть, противоядие существует?

Она с ненавистью посмотрела на меня, подняла яблоко к губам и с хрустом откусила кусок.

Мы все замерли.

Секунда. Две. Три.

Чернавка проглотила. Она стояла, тяжело дыша, и смотрела на меня с торжеством.

— Ну вот! Видишь?! Ничего не... не...

Её зрачки внезапно расширились, затопив радужку чернотой. Лицо расслабилось, потеряв все морщины гнева и страха. Рука разжалась, и надкушенное яблоко покатилося по полу, весело подпрыгивая.

— Ничего... — повторила она, но голос стал плоским, лишенным интонаций. — Ничего... Где я? Кто вы?

Она огляделась с искренним детским удивлением. Магия сработала мгновенно. Стирание личности. Форматирование жесткого диска. Перед нами стояла женщина без прошлого, без имени, без задания.

— Ох ты ж... — выдохнул Тихон. — Это ж надо... Сама себя стерла.

Я подошла к ней. Чернавка смотрела на меня пустыми, чистыми глазами.

— Тебя зовут... — я на секунду задумалась. — Тебя зовут Аня. Ты заблудилась в лесу. Сейчас ребята посадят тебя на телегу, дадут хлеба и воды, и лошадка вывезет тебя к людям. Иди и живи новой жизнью. Честной.

— Аня... — повторила она, пробуя имя на вкус. — Спасибо. Я... я пойду?

— Иди, — кивнула я.

Радомир жестом велел Власу проводить «Аню» к её поезде, которую она оставила за воротами.

Я подняла с пола яблоко. Поднесла его к свету. Место укуса почернело, словно гниль разъедала его изнутри.

— Степан, — позвала я. — Возьми лопату. Закопай это. Глубоко. И место солью посыпь. Это токсичные отходы.

Потом я подошла к столу, взяла кусок пергамента и уголек.

— Что ты пишешь? — Радомир подошел ко мне. Напряжение покинуло его плечи, сменившись каким-то диким, восторженным блеском в глазах.

— Рекламацию, — я быстро набросала несколько строк. — Письмо поставщику о возврате бракованного товара.

«Уважаемая Светлана Борисовна!
 Ваша промо-акция провалилась. Товар не соответствует заявленному качеству. Курьер уволен по причине профнепригодности и полной потери квалификации (и памяти).
 Настоятельно рекомендую не присылать больше подарков. Мы предпочитаем выбирать поставщиков сами. И да, наш аудит показал, что у вас серьезные проблемы с безопасностью.
 Ждите ответного визита.
 Генеральный директор Кристального Спа.»

Я свернула пергамент и запечатала его воском со свечи, прижав к нему перстень с гербом отца, который всё еще но-

сила на пальце.

— Влас! — крикнула я в окно. — Прицепи это к плащу той женщины. Пусть Мачеха почитает на досуге.

Когда телега с бывшей Чернавкой скрылась в тумане, мы с Радомиром остались стоять на крыльце. Утренний туман начал стремительно редеть, словно сама магия Мачехи, получив отпор, отступала, поджимая хвост. Солнце, настоящее, яркое, прорвалось сквозь кроны деревьев.

— Ты страшная женщина, Марина, — сказал Радомир, глядя на меня. — Ты уничтожила её, даже не коснувшись.

— Я просто дала ей выбор, — я пожала плечами, хотя внутри меня всё ещё была мелкая дрожь от адреналина. — Она выбрала рискнуть. В бизнесе за риски платят. Иногда — собой.

Я посмотрела на горизонт. Там, где раньше мерцала далекая золотая искра, теперь разгоралось настоящее сияние. Оно приближалось. Туман рассеялся, и дорога стала свободной.

— Смотри, — я указала рукой. — Мачеха потеряла контроль над периметром. Барьеры пали.

— Елисей, — констатировал Радомир. Его рука привычно легла на эфес. — Теперь он доберется сюда к вечеру. Или к утру.

— Пусть едет, — я глубоко вздохнула, вдыхая воздух победы. Он был сладким, намного слаще того отравленного яблока. — Первый раунд за нами, воевода. Мы выстояли. Мы

отбили рейдерский захват.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.